АПРЕЛЬ
15
ПЯТНИЦА
1938 год
№ 21 (728)
Цена 30 коп.

21
СЕКРЕТ. ВНЕБЕЗАБРЕ
15 АПР 1938
Дерев. Ив. Лесн. К

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

От нас ждут ответа!

Максим Горький писал:

— Эпоха повелительно требует от литератора участия в строительстве нового мира, в обороне страны...

Мы живем «в системе государств», в кольце капиталистических стран, в дни, когда фашизм наглеет с часу на час. Предстоит решающая схватка прогресса с реакцией, демократии с фашизмом, социализма с капиталом.

Командиры Красной Армии в письме, которое было опубликовано в прошлом номере «Литературной газеты», говорят, обращаясь к писателям: «Мы не хотим, чтобы наше письмо вызвало поток длинных резолюций и присоединений к нашим требованиям. Мы ждем дела — романов, повестей, рассказов, поэм, стихов, очерков, пьес. Мы знаем, что только упорной работой создаются замечательные произведения, и мы вас не торопим. Но вас торопит время!»

Время торопит! Кто не понимает значения этих слов, тот не понимает и значения своего как писателя. Тысячи страниц, исписанных самым аккуратным почерком, стоят не больше, чем израсходованные на это чернила, если писатель отстал от своего времени, если он тянется в обозе эпохи.

Советская литература должна воспитывать в наших доблестных красноармейцах, в широчайших народных массах горячие патриотические чувства, воспитывать пламенную любовь к родине, готовность отстоять ее от посягательства врага, готовность отдать всего себя, самую жизнь за родину!

Советские писатели все более проникаются сознанием величия этой роли, которая на них возложена историей. В наших рядах растет число работников, отдающих свой труд и талант почетному и славному делу. Десятки книг, пьес и фильмов, множество отличных песен, созданных в последнее время, верно служат обороне социалистического отечества.

Советская литература работает на оборону. Пишутся новые произведения, которые прямо отвечают на указание товарища Сталина о том, что «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности...». В ближайшее время выйдет новая повесть Всеволода Иванова — о комдиве Пархоменко. Лев Никулин пишет книгу о советском разведчике в годы гражданской войны. Лебедев-Кумач создает новые песни — «Артиллерийскую» и «Морскую». Пьесу на оборонную тему пишет К. Тренев. Десятки писателей восприняли указание вождя народов как непосредственно к ним обращенный призыв.

Но достаточно ли мы уже работаем для укрепления оборонной мощи социалистической родины?

Глубоко правы товарищи командиры, обратившиеся с письмом к советским писателям, когда они говорят:

«...как вы используете свое оружие художников сейчас, как вы в своей практической писательской деятельности помогаете укреплению мобилизационной готовности народа? Нам кажется, что еще далеко недостаточно советские писатели справляются с этой ответственнейшей задачей...»

Произведения нашей литературы, посвященные Красной Армии нынешнего дня, очень часто попросту скучны. В них действуют не живые люди, а бесплотные символы, гладкие и бледные, как бумага, из которой эти подобия людей старательно вырезаны.

Очень часто писатели пространно говорят о какой-то, якобы почти непреодолимой «специфике» красноармейской и краснофлотской тематики, о трудности освоения многостороннего и действительно сложного военного и технического «быта» Красной Армии. Товарищи, ведь не ремонт танков и не зенитные стрельбы должны вы изучать! В том-то и дело, что очень долго в унылых «почти беллетристических» очерках и в скороспелых «почти очерковых» рассказах о Красной Армии было слишком достаточно этой «специфики», но не было того, что действительно специфично в Красной Армии, что присуще только ей и коренным образом отличает нашу Красную Армию «от всех и всяких армий, когда-либо существовавших в мире». Напомним три особенности Красной Армии, отмеченные товарищем Сталиным, особенности, делающие ее непобедимой:

«Первая и основная особенность нашей Красной Армии состоит в том, что она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, она есть армия Октябрьской революции, армия диктатуры пролетариата...»

«Вторая особенность нашей Красной Армии состоит в том, что она, наша армия, является армией братства между народами нашей страны..., армией защиты свободы и независимости народов нашей страны».

«Наконец, третья особенность Красной Армии. Состоит она в духе интернационализма, в чувствах интернационализма, проникающих всю нашу Красную Армию».

Так определил особенности Красной Армии товарищ Сталин.

Вот эта героическая специфика Красной Армии не нашла достойного выражения в произведениях нашей литературы.

У критики почему-то установилось какое-то «скидочное» отношение к произведениям оборонной тематики. Командиры Красной Армии не обнаруживают такой ненужной снисходительности. Откровенно и пристрастно, в лучшем смысле этого слова, пишут они о книге Павленко «На Востоке»: «В этой книге нам кажутся лишними тот фальшивый ура-патриотизм и ура-настроения, которые получились у автора при изображении чувств советского народа в наступившей войне. Не это надо показывать нашему народу. Не усыплять, а держать народ все время в боевой готовности — вот что нам нужно!»

Правильно, что взыскательного читателя не удовлетворяют многие написанные до сего времени книги о Красной Армии сегодняшнего дня. Правильно, потому что замечательные боевые будни нашей любимой и родной, могущественной Красной Армии заслуживают самого яркого, самого сильного художественного отображения. «Ждут своих писателей, поэтов, ждут своих Шоловых, Толстых наши летчики, танкисты, артиллеристы, конники, пехотинцы!»

Нам предстоит бои с врагом сильным, жестоким и коварным. Мало написано книг, в которых показано лицо вражеского мира, его, как говорил Максим Горький, «отвратительное, тошнотворное, кровавое паскудство». Нужны такие правдивые и страстные книги о фашистских варварах, топчущих свободу мира, чтобы при чтении их сжимались в смертельной ненависти кулаки и загорались сердца.

Время диктует писателям эти темы!

Письмо группы командиров советским писателям требует ответа. Каков должен быть наш ответ, товарищи писатели?

Мы должны ответить новыми произведениями. Каждый писатель обязан завоевать себе право на то, чтобы сказать:

Я написал произведение, которое необходимо моей родине для защиты от врагов.

Искусство — оружие. Будем работать для усиления арсенала социалистической обороны! И не забудем:

— Время торопит нас.

Дело чести советского писателя

Вс. ИВАНОВ

Я закончил повесть-биографию легендарного героя гражданской войны, комдива Пархоменко. Эта повесть будет выпущена издательством «История гражданской войны».

В. ГУСЕВ

В ближайшее время опубликую в печати цикл стихов и песен «Весна 1938 года». Эти стихи и песни посвящены оборонной теме: Красная Армия, наша молодежь, военная опасность, готовность трудящихся советской страны к обороне. Совместно с композитором И. Дзержинским работаю над оперой «Волочаевские дни», которая будет поставлена Большим театром СССР.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

В ближайшее время Гослитиздат выпускает сборник «Книга песен», где самый большой раздел «Мы — защита радостной страны» посвящен Красной Армии. Кроме того, пишу новые оборонные песни — «Артиллерийская», «Морская», «Боевые друзья», «Песня о знамени».

Б. РОМАШОВ

Работаю над пьесой о гражданской войне на Северном Кавказе по материалам истории гражданской войны. В этой пьесе я хочу дать широкое полотно партизанского движения и подпольной борьбы большевистских организаций с деникинщиной. Первый вариант пьесы был назван «Набат в горах». Получив ряд новых материалов, я решил углубить первоначальный замысел пьесы и показать в ней работу незабвенных большевиков Серго Орджоникидзе и С. М. Кирова на Северном Кавказе в организации Красной Армии. Кроме того, я задумал написать вторую пьесу о командирах современной Красной Армии. Летом я выеду в части Красной Армии, чтобы собрать дополнительный материал для второй пьесы.

К. ТРЕНЕВ

Я только что закончил новый вариант своей пьесы «На берегу Невы». Приступил к работе над пьесой на тему о железнодорожном транспорте. Действие в пьесе происходит в наши дни. В пьесе будет показана борьба стахановцев—железнодорожников с троцкистскими шпионами и диверсантами на транспорте.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Работаю над второй частью книги «Капитан первого ранга». Вторая часть моего романа посвящена современному Красному Флоту.

Л. НИКУЛИН

Сейчас пишу повесть о советском разведчике в эпоху гражданской войны. Действие повести развивается на Украине и на юге. Повесть предназначена для журнала «Знамя».

Н. ОГНЕВ

Сейчас я работаю над романом «История винтовки», посвященном Октябрьской революции на фронте и борьбе большевиков против соглашательских меньшевистских армейских комитетов. Основная идея романа — переход империалистической войны в войну гражданскую. Первая глава романа была напечатана в № 10 журнала «Октябрь» за 1937 г. Роман будет мною закончен к XXI годовщине Великой социалистической революции.

И. ПРУТ

Я написал киносценарий «Война начинается» — о героизме двух советских летчиков, попавших в тыл к противнику за время первых 12 часов будущей войны с фашизмом. Фильм ставит киевская киностудия. Режиссер — А. М. Роом. Фильм «Война начинается» выйдет осенью 1938 г.

Плакат художника **В. Стенберга**, выпускаемый Изогизом к выборам в Верховный Совет РСФСР

Русские мастера об искусстве Азербайджана

Подходит к концу еще одна традиционная декада национального искусства, прекрасный смотр музыкального творчества братского азербайджанского народа. Показаны великолепный «Кёр-Оглы» и веселый «Аршин мал алан» Узеира Гаджибекова, эпический «Шах-Сенем» Р. Глиэра и героический «Наргиз» Муслима Магомаева. С огромным успехом прошел общественный просмотр концерта с его надолго запоминающимся «Приветом Сталину», исполненным хорами Азербайджанской государственной филармонии и оперного театра, танцовальным ансамблем и оркестром народных инструментов.

Праздник талантливых сынов и дочерей Азербайджана—радостное событие для русских композиторов, мастеров сцены и преподавателей, которые охотно передавали и передают своим национальным собратьям опыт и мастерство, помогая развитию самобытных дарований и воспитывая новые кадры певцов, актеров, музыкантов.

Представители театральной общественности союзной столицы Москвы видят в лице мастеров молодого азербайджанского искусства достойных продолжателей традиций советской оперы и балета, славящейся на весь мир своей высокой культурой.

★

Вот отклики некоторых выдающихся мастеров советской сцены, поступившие в «Литературную газету».

«Я просмотрел все спектакли Азербайджанского государственного театра оперы и балета им. М. Ахундова, — пишет заслуженный артист РСФСР худ. **В. Ф. Рындин.**

Оформлявший оперу «Кёр-Оглы» Рустам Мустафаев, — талантливый и культурный художник. Он тонко чувствует эпос, знает и понимает народное искусство Азербайджана. Особенно интересно им оформлен второй акт постановки, — дворец Гасан-хана, поражающий ажурностью декораций и тонким цветовым разрешением. На основе народного текстильного искусства средних веков созданы художником Газанфар Халыковым костюмы, поражающие своей красотой (ханские одежды и костюмы балерины Гамэр Алмаз-Заде).

Третий акт оперы «Кёр-Оглы» производит незабываемое зрительное впечатление. Мрачная монументальность крепости Чени-Бель и суровость пейзажа удивительно сочетаются с костюмами восставших крестьян.

Оперу «Шах-Сенем» оформлял М. Сагиян. Этому художнику свойственна прозрачность формы. Особенно хороши декорации третьего акта (в саду Шах-Сенем), пропитанные сказочностью и живописным колоритом. В оформлении четвертого акта М. Сагиян удачно использовал древние народные мотивы, повторив орнаменты стенной росписи Нухинского дворца.

Художник Ахмед Султанов легко и ярко оформил музыкальную комедию композитора М. Магомаева «Аршин мал алан», построив декорации в стиле народного лубка.

Оперу «Наргиз» оформил художник Гасан Мустафаев. Он прекрасно передает суровость горных пейзажей».

Народный артист РСФСР **Н. С. Ханаев** говорит так:

«Спектакль музыкальной комедии композитора Узеир Гаджибекова «Аршин мал алан» произвел на меня большое впечатление. Очень подкупает простота исполнения актеров. Насколько правдивы созданные ими образы, настолько легки и грациозны их движения.

Музыка композитора У. Гаджибекова ярко передает колорит Азербайджана. Прекрасны и красочны декорации. Нашим русским художникам есть чему поучиться у художников Азербайджана».

«Я давно знала волнующую повесть жизни Шевкет Мамедовой, — пишет заслуж. арт. республики **Б. Я. Златогорова,**— ее борьбу за право женщин Востока быть на сцене. Я восхищалась энергичной натурой артистки, сочетавшей в себе талант певицы, организатора и пропагандиста музыкального творчества своего народа. Поэтому, еще не зная Шевкет Мамедову, я горячо симпатизировала ей. С особой радостью я ждала выступления Мамедовой в «Шах-Сенем». Лирико-колоратурное сопрано певицы — прекрасного тембра, сложные восточные мелодии она поет необычайно легко, мягко, задушевно. Держится на сцене безукоризненно. Лирический образ страдающей девушки Шах-Сенем артистка исполняет в нежных, пастельных тонах, запечатлевающихся в памяти.

Дружески приветствую народную артистку Азербайджана Шевкет Мамедову — первую артистку Азербайджанской оперы!».

«Кнарик Григорян я слышала в опере У. Гаджибекова «Кёр-Оглы», — пишет заслуж. артистка республики **Е. Д. Круглико**ва — Нигяр — отважная, свободолюбивая девушка, ненавидящая тирана, и Нигяр — трогательная и нежная возлюбленная Кёр-Оглы... Слить эти две линии в один гармонический образ и провести роль на высоком уровне вокального мастерства — большая и ответственная задача. И Кнарик Григорян с ней прекрасно справляется. Артистка мастерски владеет своим голосом: чувствуются и богатые природные данные, и хорошая школа, и подлинный темперамент.

С большой радостью слежу я за успехом К. Григорян на сцене столичного театра. Уверена в дальнейшем росте этой молодой, талантливой певицы».

Солистка балета Государственного Академического Большого театра **О. Лепешинская** делится своими впечатлениями:

«Когда азербайджанские танцовщицы, грациозно переступая, начинают свой плавный и ритмичный проход вокруг сцены, — их ног не видно, они скрыты пышной юбкой. Кажется, что плывут лебеди, окрашенные в причудливые цвета. Выразительность рук и чеканная ритмичность пальцев, прищелкивающих в такт музыке и движению, легкость и пластичность как бы органически присущи девушкам.

На сцене появляется солистка балета Гамэр Алмаз-Заде, и я ощущаю гордость за искусство цветущего Азербайджана. Я горжусь возрождением народных танцев национальных республик, расцветших под неугасаемым солнцем советской страны»

Письмо Ромэн Роллана

ПАРИЖ, 14 апреля. «Юманите» публикует письмо, посланное Ромэн Ролланом международному комитету борьбы с фашизмом и войной, по случаю седьмой годовщины Испанской республики. Ромэн Роллан напоминает, что он был другом республиканской Испании со времени ее рождения и что последние годы страданий и героизма испанского народа только увеличили эту любовь.

«Испанская республика, — говорит Роллан, — своею кровью написала самые славные страницы истории Испании и свободы. Она дает неувядающий пример всем народам мира, борющимся за свою независимость. В то же время этот пример является волнующим упреком униженным демократиям, которые отказываются помочь борющейся Испании. Вечный позор итало-германским фашистским палачам! Как бы ни было тяжело настоящее, я уверен в будущем. Как бы ни старались все адские силы угнетения задушить Испанию, на испанской земле собирается неудержимая энергия восстания и мщения. Она сокрушит варваров».

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

«Рыцарь Иоанн»

(ТРАГЕДИЯ)

АКТ II

КАРТИНА 4

(1605 г. Москва, Кремль, Боярская дума).

МСТИСЛАВСКИЙ. Стадницкого Мартына человек
По имени Круширский об'являет,
Что видел сам, как будто на Москве
Убит не иннератор Дмитрий Первый,
А кто другой.
ЦАРЬ. * Постой, боярин, — враки.
МСТИСЛАВСКИЙ. Что враки-то, великий государь?
ЦАРЬ. А это самое. Скажи на милость:
Ну, как видок свидетельствовать может
Про то, о чем и сам сказал: не видел.
КУРАКИН. Ты, государь, ослышался. Круширский...
ЦАРЬ. Ну, да, сказал-де, что убит не тот.
Однако же, бояре-дума, это
Пустое показанье: тот свидетель,
Который изрекает: «Сей убит!»,
Но восклицающий: «Убит не этот»,
По простоте души не мог ли часом
Иного убиенного видать?
КОЛЫЧЕВ (тихо). Хитер, как муха, цариька.
ВОРОТЫНСКИЙ. Да впусте.
Что толку в крючкотворчестве-то его,
Когда уж вор на Польше об'явился?
КОЛЫЧЕВ. Да ну?
ВОРОТЫНСКИЙ. А вот и ну.
КОЛЫЧЕВ. Ужели Гришка?
ВОРОТЫНСКИЙ. Какой там Гришка? Гришка ведь убит.
КОЛЫЧЕВ. А верно ль это?
ВОРОТЫНСКИЙ. Да уж будь покоен.
ТАТИЩЕВ (грубо). Любуюсь я тобою, царь Василий,
Каков ты мейстер на статьи закона.
Когда бы нынче в этой самой думе
С чужими торговалися послами,
То с помощью бы мудрости твоей
Великую победу одержали.
ЦАРЬ (вспыхнув). Ты мне, Татищев, не дерзи, Татищев...
ТАТИЩЕВ. А ведомо ль царю, что на Самборе
Явился новый самозванец?
ЦАРЬ. Врешь!
МСТИСЛАВСКИЙ. Ей, право же, великий государь.
ЦАРЬ. Я так и думал!
ТАТИЩЕВ. Польский Жигимонт
Не потерял, как видимо, надежду
В ясачный край Москву оборотить.
ГОЛИЦЫН. А римский папа — в люторскую веру.
КУРАКИН. Ну, времячко, прости меня господь:
Попрыгивают козни через казни!
ЦАРЬ. В Самборе, говоришь,.. А кто сей вор,
Известно ли хоша его прозванье?
МСТИСЛАВСКИЙ. Прозвание «Димитрий», государь.
ЦАРЬ. Я не про то. Младенец, убиенный
Святоубийцею Борисом, — мертв
И не восста из праха даже в лето,
Когда Отрепьев именем его
Сел на Москве. Не станем же отныне
Святое имя всуе поминать.
МСТИСЛАВСКИЙ. Прощенье, государь.
ЦАРЬ. Прости господь.
(Пауза).
Я думаю — не Мишка ли Молчанов
Бежал к полякам? Про него сыскали,
Что в суматохе, как громили Кремль,
Он вытащил из царской из палаты
Большую государеву печать.
МСТИСЛАВСКИЙ. Про князь-Михайлу не скажу худого.
ЦАРЬ (подозрительно).
А где он есть, Михайло-то?
ТАТИЩЕВ. И вправду!
Давно его не видно.
ЦАРЬ (встревоженно). Ась? Бояре!
МОРОЗОВ. В Путивле он, у князя Шаховского,
Великий государь.
ЦАРЬ. Ага. Пошто?
МОРОЗОВ. Про то не ведаю. Слыхал — в Путивле.
ЦАРЬ. Сыскать немедля. Где у нас Морозов?
МОРОЗОВ. Я здесь.
ЦАРЬ. Немедля, говорю, сыскать!
Ох, чует сердце... Мишка это, Мишка!
По всем дорогам, что ведут к Литве
Да к Польше, да к ливонским меченосцам,
Дозоры боевые нарядить.
Да слышь, Морозов, приставов не надо.
Растят себе, ядри их в корень, пузы!
Все теленни. Морозов, дармоеды!
Распустил ты их...
МОРОЗОВ. Да я...
ЦАРЬ. Молчи.
Быкасов!
БЫКАСОВ. Я.
ЦАРЬ. Да нет, не ты... Урусов!
УРУСОВ. Я, государь.
ЦАРЬ. Да нет, не ты... Садись!
Да как его... Ну, как бишь... Тьфу! Черкасской!
(Черкасский вскакивает).
Ну, что за недогадливый какой!
Зову тебя, зову, а ты... Немедля
Вот тут же отпиши, боярин, всем
Хозяйщикам, живущим на украйнах,
А паче на рубежной на земле,
Чтоб зверовой потехи не имали,
А всех бы доезжачих егерей,
Псарей да трубников, да есть ли где
В ином хозяйстве рейтары заморски, —
И тех с борзыми слали на пути!
Понятно, ась?
ЧЕРКАССКИЙ. Понятно, государь.
ЦАРЬ. Пущай поищут по ярам-яругам,
По рысьим норам, по вороньим гнездам, —
Да ни одна бы тварь—ниже́ то зайца
Не промахнул в Самбор, ниже́ то вран.
ВОРОТЫНСКИЙ (Колычеву).
Совсем, совсем, как при царе Борисе.
ЦАРЬ. Понятно, ась? Чернавка, дай перо.
Да не охрянное же... Эка дура!
От охры-то бывает невезенье.
НАТАЛЬЯ. Како ж иное? Нешто с голубицей?
ЦАРЬ. Багряное давай. Багрец—боец!
ТАТИЩЕВ. Все это хорошо бы, да уж поздно.
ЦАРЬ. Как — поздно?
ТАТИЩЕВ (царю). Ты, Василий, помолчи.
Теперь, бояре, поздно уж писать:
Молчанов ли бежал иль не Молчанов,
А ложный царь — в Самборе.
ГОЛИЦЫН. Это так.
МСТИСЛАВСКИЙ. Я думаю, великий государь,
Не худо бы, сии принявши меры,
Принять еще иные. Хорошо бы
Испробовать: крепка ли с нами дружба
Коварной Польши. Скрыпотчик хороший
Нет-нет да струнку пробует перстом.
А мы-то, государственные мужи,
Не те же ль музыканты?
ТАТИЩЕВ. Это дело!
МСТИСЛАВСКИЙ. Послал бы, царь, ты другу Жигимонту
Ни в чем как не бывало—царский дар.
Коли ответный будет их подарок
Не очень скуп, но и не больно дорог,
То, стало быть, великий государь,
Все есть, как было.
ЦАРЬ. Хм... А коли дорог?
МСТИСЛАВСКИЙ. А коли дорог, пышен, чрезвычаен,
То, стало быть, имеют на примете
Внушить доверье большее, чем прежде.
ТАТИЩЕВ. А следственно и особливу цель!
ЦАРЬ. Ага... Тогда, пожалуй, самозванец
Уже в Самборе, но еще не круто
Связался, вишь, с крамолой на Руси?
МСТИСЛАВСКИЙ. Выходит так, великий государь.
ЦАРЬ. Хо-хо... И то! Ах, язви вас, потеха...
Но ежели подарок будет скуп?
ТАТИЩЕВ. А коли скуп, боярин?
ГОЛИЦЫН. Коли скуп?
МСТИСЛАВСКИЙ. А коли скуп, то завтра быть войне.
ЦАРЬ (струсив). Вона чего... Войне-то?
Охте... Завтре?..
Ну, что ж, бояре-дума... Надо Польше
Немедля в дарование послать
Орлиную охоту. Эй, чернавка!
Сокольничие тута?
ЧЕРНАВКА. Где ж им быть?
Вестимо тута.
УРУСОВ (тихо). Подлая бабенка!
Никак царя по титлу не зовет.
БЫКАСОВ. Знать, есть на это воля государя.
УРУСОВ. Не воля тут — поблажка.
БЫКАСОВ. Слышь, боярин:
Я этого не слыхивал, а ты
Того не сказывал. Аминь.
УРУСОВ. И то.
Урусов не Татищев.
БЫКАСОВ. Не Татищев.
(Входят сокольничьи с четырьмя орлами.
Царь подбегает к ним мелкой рысцой и подслеповато оглядывает каждую птицу).
ЦАРЬ. Как звать его?
СОКОЛЬНИЧИЙ 1. «Мамаев», государь.
ЦАРЬ. Татарин?
КУРАКИН. Со степей, Василь Иваныч.
ЦАРЬ. Немолодой он у тебя, Антипка.
СОКОЛЬНИЧИЙ 1. Млад не млад, а на битве — клад.
ТАТИЩЕВ. Ты, государь, на проседь не гляди.
Иной плешив, а девки не упустит.
(Сдержанный смех).
ЦАРЬ (сухо). Помалкивай, Татищев.
(Дразнит орла).
Ишь, зверюга!
И то: морозцем тронуто крыло,
А плечи, — что у рыцаря какого.
Я чай, такую птицу отсылать —
Себе дороже. Выбери поменьше.
Вот этого хоша. Да, нет, постой...
Как звать его?
КУРАКИН. «Звенящекрылый».
ЦАРЬ. Ух-ты!
А сановит! Небось не нам чета.
Не так ли, а? Вот это—царь Василий!
(Смех).
А как в бою? Отменной птицелов?
СОКОЛЬНИЧИЙ 2. Не птицелов, а зверобой отменный.
Намедни он из пажитей принес
Вот этаку зайчиху...
ЦАРЬ. Ну? Оставить!
Татарина оставить и его.
КОЛЫЧЕВ (тихо). Однако ж и скупенек-то у нас
Василий свет-Иванович.
ВОРОТЫНСКИЙ. Сквалыга!
ЦАРЬ (подходя к третьему).
А этот?
КУРАКИН. «Буйный Ветер Унеси».
ЦАРЬ. О, господи, твоя святая воля!
Куды ж такое чудо отправлять?
Да нешто мы не русские? Оставить!
Вот этого пошлем. Как звать тебя?
СОКОЛЬНИЧИЙ 3. Митрошкой, государь.
ЦАРЬ. На кой мне ты-то?
Орла как звать?
СОКОЛЬНИЧИЙ 3. Ишшо он безымянной.
ЦАРЬ. Ну, что же. Назовите «Жигимонт».
И с богом отсылайте что ли в Польшу.
КУРАКИН. Да он, Василь Иваныч, не дошел.
СОКОЛЬНИЧИЙ 1. Года ему не вышли.
СОКОЛЬНИЧИЙ 2. Полуорлик.
ЦАРЬ. Ну, вот и хорошо. Пущай в Самборе
Приспеет в мужество у короля.
Так ты, Антипка, справь ему наряд!
Оплечь серебряные колокольца,
Да ножки алу бархатель, печать...
Ну, знаешь сам, небось... Чтобы по чину.
(Глядит на орла).
Эх, птица, птица. Жалко расставаться,
Да что поделать? Да и денег стоит!
Поди червонцев десять отвалили?
КУРАКИН. Одиннадцать с деньгою,
ЦАРЬ. Ох, тех-те...
Да что поделать, братцы? Нынче царь —
Неважная службишка: все убытки.
Не так ли, Татев?
ТАТЕВ. Правда, государь.
ЦАРЬ. А кстати: гости польские торгуют
С царевой-то казны пеньку да лен.
Не так ли Татев?
ТАТЕВ. Правда, государь.
ЦАРЬ. Дык ты накинь им, князенька, немножко.
Совсем чуть-чуть... На пудовик дробинку.
ТАТЕВ. А много ль все же?
ЦАРЬ. Чисто пустяки.
За орлика... Полушечку какую.
Абы лишь только вышло так-на-так.
Терпеть я не могу даров безмездных.

КАРТИНА 6.

(Половина царя. Василий и Наталья глядят в оконце).

НАТАЛЬЯ. Вон бабы ветошь в прорубь стирают.
Поплескивают. Вон ямщик несется...

* Василий Шуйский.

Окончание см. 2 стр.

ПИСАТЕЛЬ, ПОПУЛЯРИЗИРУЮЩИЙ НАУКУ

ПОЧЕМУ НЕ ИЗДАЮТСЯ КНИГИ А. Р. БЕЛЯЕВА?

Среди советских популяризаторов науки А. Р. Беляев занимает видное место. Его научно-фантастические романы, повести, рассказы, изобилующие множеством интересных научных фактов, являются безусловно стимулом к знанию. Они развивают у нашей молодежи стремление к науке, к познанию природы, — об этом свидетельствуют многочисленные письма его читателей, в которых содержатся положительные отзывы о его произведениях. Беляев дал ряд романов на биологические темы, из которых назовем такие, как: «Властелин мира», «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Мертвая голова» и другие.

В них в хорошем литературном изложении он поднимает проблемы большого значения. Другой областью, о которой с успехом пишет Беляев, является астрономия. Из-под его пера вышли романы: «Звезда Кец», «Прыжок в ничто», повесть «Небесный гость», в которых он в художественной форме излагает современные знания о вселенной. В этих романах Беляев популяризирует великую идею К. Э. Циолковского о покорении космических пространств межпланетными путешествиями.

Беляев строит свои произведения на научном материале и предварительно его серьезно изучает. Круг его читателей весьма обширен. Охотно читают его и учащаяся молодежь, и рабочие, и научные работники. Это не случайно, т. к. достоинствами романов Беляева являются увлекательность изложения, интересный фактический материал.

Работниками науки на страницах печати уже отмечалась роль А. Р. Беляева, как талантливого популяризатора науки. Настоящим мы хотели бы напомнить, что все произведения Беляева давно разошлись и стали библиографической редкостью на книжном рынке. Необходимо было бы удовлетворить запросы читателя и переиздать хотя бы некоторые из его романов. Очень желательно было бы также видеть главнейшие произведения Беляева на киноэкране, что еще шире популяризировало бы научные знания.

Доктор физико-математических наук, профессор Б. ВЕЙНБЕРГ

Профессор С. НАТАНСОН

Астроном Пулковской обсерватории М. ЭЙГЕНСОН

Научные сотрудники: В. СТЕБЛИН, Н. ЧУГРОВ

Ленинград.

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** В фельетоне «Писатель остался один», напечатанном в «Литературной газете» 10 февраля, мы рассказали о постыдном равнодушии союза писателей и издательств к судьбе и творчеству А. Р. Беляева. Вот уже три года, как тяжелая болезнь приковала Беляева к постели. И писателя забыли! Союз писателей в течение всех этих лет присылал Беляеву повестки, настойчиво предлагавшие являться на очередные собрания и заседания, но никто в литературной организации не заинтересовался новыми повестями и рассказами, написанными и продиктованными Беляевым за годы его болезни.

Читатели, узнавшие из «Литературной газеты» о болезни Беляева, шлют писателю теплые письма, расспрашивают о его работе и даже предлагают ему темы для новых научно-фантастических произведений. Значительно усилил помощь Беляеву ленинградский Литфонд, обеспечивающий теперь писателя научными трудами и пособиями, необходимыми для его творчества.

Достойно удивления, что издательства попрежнему не интересуются научно-фантастической литературой.

В свое время научно-фантастическую литературу издавала «Молодая гвардия». После реорганизации это издательство от научной фантастики отказалось. В Ленгослитиздате Беляеву было также заявлено, что выпуск научно-фантастических книг не входит в число его задач, а старое руководство «Советского писателя» не стало даже разговаривать на эту тему.

Один лишь Лендетиздат несколько дней назад заключил договор с Беляевым на издание переработанного для детей научно-фантастического романа.

Но книги Беляева читаются не только детьми, но и молодежью и взрослыми. Литературная общественность обязана заинтересоваться, почему издательства бюрократически отмахиваются от книг Беляева, рекомендованных крупнейшими учеными.

В. К.

В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

ИЗБЕРЕМ ЛУЧШИХ

19 апреля начнется отчетно-выборное партсобрание союза советских писателей. Коммунисты-писатели, учтя ошибки прошлогодних выборов, изберут новое руководство из лучших, преданных делу Ленина—Сталина людей.

Надо сказать, что нынешний партком не сумел преодолеть замкнутости организации, ее разобщенности с широкими слоями. Творческие вопросы находились «на задворках», и партком буквально тонул в разборе «личных» дел и «заявлений».

Правильной постановке партийной работы сильно мешает нечеткость организационной структуры: партгруппа правления союза советских писателей жила сама по себе, а партийные группы нашей организации стояли далеко в стороне от работы творческих секций союза писателей. Это создавало такое положение, при котором важнейшие вопросы жизни союза писателей оставались в «монополии» партгруппы правления союза советских писателей, не подотчетной парткому. Ряд вопросов, связанных с работой союза писателей по Москве, решался без привлечения парторганизации. Нынешний партком ничего реального не сделал для ликвидации этого ненормального положения.

Сама парторганизация ряд лет была разделена на 2 партгруппы: союза писателей и Дома писателей — разделение совершенно произвольное, не отвечающее духу устава партии, предусматривающего необходимость организации партгрупп по производственному признаку (по цехам).

Будущему руководству необходимо, учтя ошибки отчитывающегося парткома, коренным образом улучшить массово-политическую работу:

практиковать постановку на общих партсобраниях важнейших насущных вопросов литературы (работа журналов, издательств, редакторов);

поставить задачей изучение творческого лица каждого писателя, члена парторганизации. Партийный комитет должен быть в курсе работы писателя.

Надо укрепить партийную дисциплину, строго и повседневно контролируя выполнение товарищами партийных поручений и обязанностей — это поможет всех партийцев втянуть в орбиту активной жизни парторганизации. Нынешний партком не смог этого добиться, благодаря чему некоторые товарищи из числа так называемых «знаменитых», недостаточно участвуют в партжизни.

Парткому нового состава предстоит огромной важности работа по привлечению писателей к участию в кампании по выборам в Верховный Совет РСФСР, используя опыт нынешнего парткома в дни прошедших выборов в Верховный Совет СССР.

Я беру только часть вопросов, связанных с отчетно-выборной кампанией в нашей парторганизации, — надо, чтоб высказались и другие товарищи.

Отчетно-выборное собрание должно пройти на высоком уровне: и отчитывающееся руководство и избиратели выполнят по-большевистски задачи, поставленные Сталинским Центральным Комитетом, если все их выступления будут заострены в духе непримиримой критики и самокритики, в духе большевистской бдительности.

В парторганизации союза советских писателей есть надежные, преданные делу партии большевики-писатели, вполне достойные быть избранными в новый состав парткома.

И. ФРЕНКЕЛЬ

ИСПРАВИТЬ ОШИБКИ

10 апреля состоялось собрание партийной организации ленинградского отделения союза советских писателей. Хотя собрание началось с 2-часовым опозданием, но окончилось оно необычайно рано. Столь убыстренные темпы партсобрания можно об'яснить заявлением секретаря парткома т. Мирошниченко, что «предвосхищать свой отчет он не будет и о конкретных делах говорить до выборного собрания нецелесообразно». Несмотря на такое «вступление», некоторые коммунисты (Брыкин, Решетов, Селифонов) после прочтения постановления ЦК ВКП(б) о выборах парторганов заговорили о состоянии ленинградских литературных журналов, о недостаточной связи парторганизации с беспартийными писателями, о забвении творческих вопросов и о других недостатках в работе парткома.

Подавляющее большинство ленинградских беспартийных писателей — это люди, глубоко преданные делу партии Ленина—Сталина, стремящиеся быть ближе к партии; некоторые из них вполне достойны и подготовлены вступить в ее ряды. Создание группы сочувствующих — первейшая задача парторганизации Ленинградского отделения союза писателей.

Отрицательно отражается на работе писательской организации и такое обстоятельство: многие творчески активные писатели-коммунисты не состоят на учете в парторганизации союза писателей, между тем большинство членов парторганизации не имеет прямого отношения к писательскому труду.

Последние месяцы партком был вынужден заниматься снятием с отдельных коммунистов всяческих ярлыков, необоснованно наклеенных секретарем парткома. Вопросы партийного воспитания и политического просвещения писателей, как и вопросы литературного творчества, были отодвинуты на второй план и передоверены ныне разоблаченному врагу народа.

Ясно, что такое состояние дел в парторганизации ЛенССП мешает осуществлению решений январского пленума ЦК ВКП(б). До сих пор парторганизация не подошла вплотную к изучению политического и творческого лица каждого отдельного писателя, до сих пор людей в союзе считают списками. В результате такого верхоглядства, такого невнимания к людям нередки крупные политические ошибки: враги народа, пробравшиеся в союз, разоблачались помимо парторганизации. Показателен такой факт: по информации т. Мирошниченко 14 января правление ЛенССП решает вопрос, в какую творческую секцию «зачислить» члена союза, который уже с 7 января был арестован органами НКВД.

Парторганизация должна сделать все возможное для решительного осуществления указаний январского пленума ЦК ВКП(б), для полного исправления ошибок.

На собрании правильно указывалось на необходимость более широко обсудить работу парткома и писателей-коммунистов. К сожалению, ничего конкретного для выполнения этой задачи не предпринято. А выборы в парторганизацию ЛенССП предполагается провести уже 17 апреля.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Повысить большевистскую бдительность

В августе 1937 г., после разоблачения органами НКВД бывшего директора Ленгослитиздата, было созвано собрание сотрудников издательства. Два вечера обсуждал коллектив вопрос о положении в Ленгослитиздате. Была принята пространная резолюция, в которой имеется, в частности, и такой пункт:

«Вся эта вредительская, антисоветская работа Орлова, все эти безобразия в издательстве могли иметь место только в затхлой атмосфере зажима самокритики, махрового подхалимства и угодничества, отсутствия политико-воспитательной работы»

Отмечая, что со стороны отдельных товарищей были сигналы о неблагополучии в издательстве, об антипартийной «деятельности» Орлова, резолюция подчеркивала: «но к этим сигналам не прислушались, их игнорировали и партком, и местком, и стенгазета». Казалось бы, очень серьезное предупреждение, очень серьезный урок. Но последующие события показали, что руководство парторганизации Ленгослитиздата не сделало необходимых выводов, не извлекло должных уроков.

В течение нескольких месяцев на посту врид директора «подвизался» Циновец, тот самый Циновец, о котором еще в августе 1937 г. четко и резко говорилось, что он не заслуживает политического доверия, что нельзя ни одного дня терпеть его на посту директора. Но парторганизация вынесла постановление, обязавшее коммунистов оказывать Циновцу всяческую поддержку и помощь, т. е. создавать ему авторитет.

Циновцу поручались ответственнейшие политические доклады, выступления на митингах, посвященных выборам в Верховный Совет СССР; в стенгазете помещались воспоминания этого мерзавца, бывшего эсера, о его «участии в революционных событиях».

Такое поведение руководства парторганизации естественно не может создать атмосферы непримиримости к вражеским вылазкам, в какой бы форме они ни проявлялись, не может способствовать успешной работе по ликвидации последствий вредительства, развертыванию большевистской самокритики, как основы этой работы.

Особенно большой и чувствительный вред нанесли враги в производственном отделе издательства. Положение в производственном секторе, возглавляемом т. Кауфман, как говорится, оставляет желать много лучшего.

На последнем производственном совещании выяснилось, что издательство под видом платы за «авторскую правку» выплатило немало денег типографии за... их же плохую работу (набор).

Чрезвычайно затягиваются сроки сдачи тиражей книг.

Совершенно вопиющим фактом является то, что до сих пор ни с одной из типографий не заключен договор. А ведь, как известно, Ленгослитиздат своих типографий не имеет. Таким образом, вся полиграфическая работа держится «на честном слове».

Руководство парторганизации не борется по-настоящему за оживление общественно-политической жизни в издательстве, за ликвидацию последствий вредительства, за наведение большевистского порядка, за выращивание беспартийного актива.

Может ли дальше продолжаться такое положение в Ленгослитиздате? Ясно, что не может.

Н. ЛЕСЮЧЕВСКИЙ

ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ

Писатель и овцы

Героями нашего повествования являются:

Пастух Метчер. Бывший переплетчик. Сел на землю. Одет в пальто, шубу и бурку. Любит горчицу и пуговицы.

Овцы. Домашние животные из семейства копытных. Об'единены в колхозное стадо. Актуальный элемент животноводческой проблемы.

Буран. Явление природы, непонятное для бывших переплетчиков.

Яков Мерзон. Труженик пера на фронте художественной прозы. Сфера влияния — Крымская АССР и др. Автор нашумевшего рассказа «Буран» и др.

Теперь, после того как главные персонажи представлены, приступим к сути дела. Яков Мерзон опубликовал в «Красном Крыме» животрепещущий животноводческий рассказ «Буран». Попадись эта тема наивному человеку, он уложил бы сюжет «Бурана» в 15 слов, как в гроб:

Пастуха Метчера застал в степи буран. Пастух спас колхозных овец, воздвигнув вокруг стала снежную стену.

Вот и все.

Но Яков Мерзон не из тех, кто идет по линии наименьшего сопротивления, пасуя перед трудностями, которые за каждым углом подстерегают писателя. Бодро обмакнув перо в чернильницу, наш литератор смелыми мазками стал наносить на бумагу образы и характеристики героев своего произведения.

Указав прежде всего, что старик Метчер, до того как стать пастухом, был много лет переплетчиком, автор рисует художественные, врезающиеся в память детали:

«Мускулы его в самом деле были довольно-таки неважные. Но это не мешало ему ходить с овцами».

«Овцы слушались его, как дети... Шолом-Алейхем был его любимым писателем»...

«Каждые две недели из поселка приезжал посланец с провизией, бельем и разными приветствиями. Здесь были и пуговицы и горчица»...

«За десять месяцев в степи он до смерти соскучился. Через посланца пастух велел уже приготовить сарай для овец»...

Казалось бы, все идет как нельзя лучше. Овцы слушаются, как дети. Горчицы и пуговиц — хоть отбавляй. Сарай готовится. По Якову Мерзону надоела уже вся эта история. Поставив после сарая для овец точку, Яков Мерзон одним взмахом пера покончил с пастушеской идиллией Метчера.

«Проснувшись утром, он почувствовал на себе какую-то тяжесть. Затем он увидел, что вокруг все бело. Метчер был потрясен. Он лежал в глубоком снегу. Бывший переплетчик никак не предполагал, чтобы в природе за одну ночь могли произойти подобные перемены»...

Бедный Метчер! Бывший переплетчик, глубоко погребенный в снегу, он и не подозревал о том, что готовит Яков Мерзон тремя строками ниже и ему и овцам.

«В бурке под снегом было тепло. Он долго оглядывался. Ему не хотелось вставать из своей берлоги, но Метчер побаивался за стадо. Эти животные, самые смирные и бестолковые в мире, имели дьявольский характер. Они бросались в огонь, когда горел их сарай, и изжаривались целыми стадами»...

Коварные овцы! Только что, скрывая свой дьявольский характер, они были послушны, как дети. Находясь в степи, они изжаривались целыми стадами, в колхозном сарае, который еще только строился для них далеко в деревне. А Метчер, этот несчастный пастух, лежал под снегом и хладнокровно оглядывался. Порой даже не верится, что так может поступать бывший переплетчик!

Но к счастью...

«Метчер на четвереньках вылез из берлоги и поднялся во весь рост. Что за чорт! Овцы подпрыгивали, точно мячики. Оставляя в снегу глубокие следы, Метчер приблизился к стаду вплотную, овцы стояли неподвижно. Он отошел, и снова овцы начинали прыгать. Он сообразил, что это мелькает падающий снег.

Моргая заиндевелыми снегом глазами, Метчер забегал у стада.

Метчер кричал, наступал на овец, но все это ни к чему не приводило: овцы стояли неподвижно. Он принялся бить овец палкой, но он сбивал только снег, лежавший у них на спинах, овцы же казались деревянными...».

Трудно что-нибудь добавить к этому красочному описанию переживаний Метчера. Следует лишь все-таки указать, что, по свидетельству Якова Мерзона, как раз в эту минуту...

«Метчер подумал о том, что жена и дети наверно сходят с ума. Но нельзя же было бросить стадо и бежать на печку»...

Что верно — то верно: на печку бежать было нельзя. Яков Мерзон дал маху, — надо было печку поместить тут же, рядом с берлогой.

Впрочем, поволновавшись немножко, Метчер залез в свою берлогу. Но спустя минуту...

«...Метчер снова высунулся из бурки и поглядел, не едут ли люди, но все было попрежнему. Падал снег, и больше ничего».

Это хорошо, что падал снег и больше ничего. Когда овцы начинают подпрыгивать, как мячики, жена и дети ни с того ни с сего сходят с ума, мы бы не удивились, если б с неба вдруг начали падать сплошные шестиэтажные дома.

«Прошло около часу. Метчер попрежнему лежал, как у себя в кровати. Внезапно подул ветер. Метчеру обожгло затылок, у ямы быстро завертелись завитушки снега, вокруг сделалось темно. Метчер выскочил из бурки»...

Каждому ясно, что если человек выскакивает из бурки — значит действительно положение серьезное.

« — Я погиб, — подумал Метчер и побежал к стаду. — Сделаю то же, что тот чабан, — подумал он затем и сейчас же принялся сгребать снег.

На коленях, разворашивая снег, Метчер боком двинулся вокруг стада. Он толкал снег сумкой, снег пенился и растекался, как вода. Ушло около часу на то, чтобы один раз обползти вокруг стада».

Зачем он ползал вокруг стада, этот несчастный, у которого «мускулы в самом деле были довольно-таки неважные?» — с замиранием сердца спросит читатель. Скажем кратко: толкая сумкой пенящийся и растекающийся, подобно воде, снег, бывший переплетчик строил грандиозную стену.

«Он продолжал наваливать снег вокруг стада. Овец из-за сугробов уже не было видно. Одна встревоженная овца показала ему из-за стены свою тупую морду. Метчер рассвирепел, погрузившись до половины в сугроб, он ударил овцу по голове, она исчезла. После этого он устал еще больше».

— Нет, — думал Метчер, — мне не сделать сегодня стены.

Ему казалось, что руки у него в плечах отваливаются. Снег был горячим.

Метчер заставил себя отдохнуть. Он встал на ноги для того, чтобы расправить кости, ветер тотчас же поднял на нем полы пальто»...

Пальто? Час от часу не легче!.. Метчер в начале рассказа был в бурке, — мы ни слова не сказали. Затем он оказался в шубе, — мы смолчали. Наконец, он появляется в пальто, когда нам точно известно, что этот человек ни разу не переодевался!

Совесть — тоже хорошая вещь! Есть такая восточная поговорка. На нее деликатно ссылаются, когда человек врет и не краснеет. Но случай с Я. Мерзоном серьезнее.

Яков Мерзон — это не просто гастролер, напечатавший в «Красном Крыме» халтурный рассказ «Буран» ради того, чтобы «подстрелить» сотню рублей. Он претендует на звание литератора, его книгу «Земля» издает Крымгосиздат, как мы узнаем из той же газеты, публикующей в хронике имя автора «Бурана» между именами Тургенева и Н. Островского.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ ИЗ РЕСПУБЛИК

Переводы русских классиков на языки народов СССР

На 58 языков народов Союза переведено большинство произведений А. М. Горького. Впервые в этом году Госиздат Киргизии перевел на киргизский язык и сдал в печать произведения Алексея Максимовича: «Мать», «Дети», «Враги» и «Мои университеты».

*

Госиздат Армении выпустил третий том романа «Война и мир» Л. Толстого на армянском языке.

Роман переведен писателем Ст. Зоряном. Сейчас он работает над переводом четвертого тома великого творения Л. Толстого.

*

Союз советских писателей Кара-Калпакии приступил к изданию произведений русских классиков на каракалпакском языке. Закончена подготовка к печати сборника стихотворений А. С. Пушкина. В сборник вошли: поэма «Братья-разбойники», отрывок из IV главы романа «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Сказка о царе Салтане», «О попе и работнике его Балде», «О рыбаке и рыбке».

Сейчас специальная бригада писателей работает над переводом повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и поэмы «Бахчисарайский фонтан».

Подготавливаются к изданию переводы: романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и произведений А. М. Горького — «Мать», «Дело Артамоновых».

В этом году будет издана на каракалпакском языке серия рассказов А. П. Чехова.

Подготовка к юбилею «Слова о полку Игореве»

Государственное издательство Белоруссии выпускает художественно оформленную книгу «Слово о полку Игореве» на белорусском языке. Перевод сделал народный поэт БССР Янка Купала. Тираж книги — 6.000 экз.

*

Хантэйский (остяцкий) народ совместно с другими народами СССР готовится к празднованию 750-летия «Слова о полку Игореве». Силами учащихся и преподавателей в юртах будет организовано чтение поэмы.

На хантэйский язык молодой поэт Киркур Лазарев переводит «Плач Ярославны». Это первый перевод «Слова» на языки народов Крайнего Севера.

Песни о стахановцах-орденоносцах

Государственное издательство Украины «Мистецтво» выпускает составленный Институтом фольклора Академии наук УССР сборник песен и стихов о стахановцах-орденоносцах. В книгу вошли лучшие образцы народного творчества, песни и стихи о любимом вожде народов, вдохновителе и организаторе стахановского движения товарище Сталине, о пионерах этого движения — А. Стаханове, П. Кривоносе, М. Демченко, П. Ангелиной и других.

Книга будет иллюстрирована портретами лучших людей нашей страны.

Первая карельская грамматика

Недавно в Ленинградском филиале Института языка и письменности был рассмотрен проект первой карельской грамматики.

Авторы проекта — научные сотрудники института тт. Милорадова, Хамеляйнен и Беляков положили в основу своих работ существующие правила правописания единого карельского литературного языка на новом алфавите.

В первой половине июня грамматика будет сдана в печать.

Пленум союза писателей БССР

25 апреля в Минске открывается пленум союза советских писателей БССР. На повестке дня пленума:

1. Доклад о творчестве народного поэта республики Янки Купала. Докладчик тов. Кучар. 2. Доклад о творчестве молодых писателей Панченко и Кондратени.

На пленуме будут заслушаны доклады о новых пьесах, написанных в последнее время белорусскими писателями. Новые пьесы написали М. Климкович — «Катерина Жорнесек», К. Крапива — «Партизаны», Якуб Колас — «В пущах Полесья», Кузьма Черный — «Аксенья Чадавецкая».

Будет также заслушан доклад о либретто белорусской оперы «Михась Подгорный». Автор либретто — белорусский поэт Пятрусь Бровко.

К слету народных певцов Казахстана

ФРУНЗЕ, 14 апреля. **(По телегр. от наш. спецкорр.).**

Делегация виднейших акынов, поэтов и артистов Киргизии во главе с депутатом Верховного Совета СССР, заслуженным деятелем искусств т. Молдыбаевым, выехав в Казахстан, посетила старейшего акына Джамбула. Прославленному народному певцу киргизская делегация вручила подарки.

Акыны Казахстана и Киргизии совместно сложили песни о дружбе братских народов СССР. 16 мая в Казахстане состоится слет народных певцов, 21 мая — пленум союза казахских писателей и празднование юбилея Джамбула.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

«*Рыцарь Иоанн*»

Начало см. 1 стр.

Середний вороной, а те-то сивы.
ЦАРЬ. Собачка побежала.
НАТАЛЬЯ. Вон какой-то
Молодчик с девушкой остановился.
Она смеется, а и он хохочет.
ЦАРЬ. Хохочет, безобраз. А я гляжу
И ничего-то этого такого,
Натальюшка, не можу воспретить.
А говорят: монарх-де! самодержец!..
НАТАЛЬЯ. Да ведь пошто, соколик, воспрещать?
ЦАРЬ. Ну, не пошто. Я говорю к примеру.
Пущай себе их бегают собачки.
Хоша б и елефанты побежали.
Мне что? А все ж, Натальюшка, обидно.
Я говорю, Наталия, конечно,
Не как правитель, а как философ.
(Пауза).
Я по вся дни с издетства жаждал власти,
Как парень девицу Котенком мягким
Я ластился к царю Ивану; псом,
Дворовым псом служил при Годунове,
При Дмитрии — козлищем отпущенья...
И вот я сам, я сам великой царь
Всея Руси. Наташа: ты подумай!
Слова-то каковы: Все-я Ру-си...
И что же я обрел? Коварны козни?
Дерзания крамолы богохульной
И вечный страх за мой царев престол?
А где же власть? Престол-то оказался
Заморским штулом, попросту сказать.
А горностальна мантия — попоной
Те сами-то бояре, что меня
Вчерась на трон маленько подсадили.
Уж ноне пожелали, чтобы царь
Служил князьям, а не князья царю.
Намедни в думе этот пень Татищев
Дык просто цыкнул на меня.
НАТАЛЬЯ. А ты?
ЦАРЬ. А я смолчал. При грозном бы Иване
Ему бы тут же голову долой.
А я — терпи.
НАТАЛЬЯ. А ты б его казнил!
ЦАРЬ. Казни попробуй. Ванька Воротынский,
Да Митька Трубецкой, да Колычев,
Голицын, да Быкасов, да Урусов...
НАТАЛЬЯ. А ты бы всех!
ЦАРЬ (испуганно). Тсс... Тихо! Не сейчас....
(Пауза).
Слыхала даве: Мишка-то Молчанов
Каку себе штуковину удумал?
Димитрием на Польшу поскакать.
Я поскачу! Уж я те поскачу!
Всю бороду ощиплю по щетинке
Да ноздырья законопачу — во!
А губки-то зашью, зашью, зашью...
НАТАЛЬЯ. Ну, полно, сокол.
ЦАРЬ. Дратвою зашью...
НАТАЛЬЯ. Не гневайся, родимый. Сядь покойно.
ЦАРЬ. Зашью...
НАТАЛЬЯ. Вот так. На плечико головку
Вот... Хорошо... А я тебе, красавец,
Каку ни есть побаюшку спою.
(Поет).
«Уж ты ворон
Воронок.
Улетай ты
За порог
От чела дремучего,
С горя со горючего.
Пускай Ванечка
Ванек...».
ЦАРЬ. Пой про меня. Про Васю, а не Ваню.
НАТАЛЬЯ. «Пускай Васечка
Васек,
Зауснет хотя б
Разок
Подле мати-душечки
На белой подушечке.
Баю-баюшки
Баю
Будешь грозен
Во бою.
А ко мне, маманеньке,
Ласковый, что пьяненький».
ЦАРЬ. Хорошая ты у меня, Наташа.
Красивая.
НАТАЛЬЯ. Неужто?
ЦАРЬ. Брови, очи...
А уж персты — персты-то каковы!
А вот велю — хе-хе... и их отрубят!
Ага! Хи-хи... А вот произнесу —
И эти ушки, махонькие ушки
Повыдернут... Хо-хо! Что? Испужалась?
Зашлось сердечко-то, зашлось? Ага.
Ну, что ты, что ты... Я ведь это в шутку....
НАТАЛЬЯ (плача).
Ты завсегда... Вот так...
ЦАРЬ. Помилуй бог.
Натальюшка... дитя мое... послушай...
НАТАЛЬЯ. Что я те... сделала... худого...
ЦАРЬ. Уф!
Наталья, а Натальюшка! Уймися!
Да полно уж. Нето и я заплачу.
Неужто же Натальюшке угодно,
Чтоб царь... да батюшка... да самодержец...
Да православной... плакал! Ай-ай-ай.
Ну, хочешь — я те тоже вроде как бы
Чего-нибудь изображу? Гляди!
«Шел чорт. Видит чорта.
Чертыхнулся. (А на чорта?)
— «Тьфу, ты, чорт!» сказал чорт:
«На кой чорт чорту чорт?»
— «Ни черта!», сказал чорт чорту
И послал он чорта к чорту».
(Наталья смеется).
Ну, вот и помирились, помирились.
Целуй сюды... Таперича сюды...
Одна щека... Другая...
МСТИСЛАВСКИЙ (входя). Государь!
ЦАРЬ. А, это ты. Чего тебе, боярин?
МСТИСЛАВСКИЙ. Дурная весть.
ЦАРЬ. Сам знаю, что дурная.
Хорошей ты не принесешь.
МСТИСЛАВСКИЙ. Молчанов
Уже в Самборе.
ЦАРЬ. Врешь! А кто помог?
МСТИСЛАВСКИЙ. Путивльский воевода Шаховской.
ЦАРЬ. Схватить его.
МСТИСЛАВСКИЙ. Повремени, Иваныч.
Прокопий и Захарий Ляпуновы
Ко князю под Путивель привели
Четыре тыщи войска.
ЦАРЬ. Ляпуновы?
Да верно ли?
МСТИСЛАВСКИЙ. Потом Истома Пашков
Привел неведомо каких людей.
ЦАРЬ (тяжело дыша). Еще чего?
МСТИСЛАВСКИЙ. Еще вчера с обедни
Ко князю, ко Телятевскому прибыл
И принял воеводство боевое...
ЦАРЬ. Постой, боярин... Трудно мне... Наталья!
Подай водицы... Да не в белой кружке —
Я белую тревожить не велел.
Еще побьешь... Зеленую возьми-де.
Да, князь-боярин: старость не безделка.
Не нынче-завтра я и сам, сердешный,
Почию в бозе. Смерть при мне сидит,
Как черный дохтур, и считает сердце.
Пошто же им не терпится, проклятым?
Так вот же я: на зло им не помру!
МСТИСЛАВСКИЙ. Ко князю ко Телятевскому прибыл
И принял воеводство боевое
Из Венеции рыцарь Иоанн.
ЦАРЬ. Чего, чего? Из Венеции?
МСТИСЛАВСКИЙ. Точно.
ЦАРЬ. Да мысленно ли дело? Ну, и хваты!
Ведь вон куды! И что же сей-то рыцарь?
МСТИСЛАВСКИЙ. Идет на Кромы, государь.
ЦАРЬ. На Кромы?
Походами Лжедмитрия? По-нят-но.
У рыцаря башка-то на плечах!
Сейчас видать, что важная персона.
Иной бы на Москву, а он на Кромы.
А что поляки? Есть ли воздаянье
За наш царев гостиничек-то?
МСТИСЛАВСКИЙ. Есть.
ЦАРЬ. Пошто же ты молчал? Опять худое?
МСТИСЛАВСКИЙ. Не стоит, государь, и говорить!
ЦАРЬ. Ну-ну, моги. Не малые ребята.
Пора уж государственным-то мужам
И доброе и злое воспринять,
Как день и ночь, без коих нет и суток.
Так что прислал король-то Жигимонт?
МСТИСЛАВСКИЙ. Не смею, государь.
ЦАРЬ. Каков подарок?
Каменье ли какое? Говори!
МСТИСЛАВСКИЙ. В ответ на твоего орла степного
Он... ворона прислал.
ЦАРЬ. Ага. Так-так.
А где он, ворон-то? Покажь, покажь.
Ну, и чего же тут худого, княже?
Послав орла, я возгласил: «храбрец»,
Ответя враном — мудрость он прославил.
Все правильно, родимый князь-боярин.
Все есть, как было. Сам же ты прикинул,
Что ежели подарок королевский
Придется так-на-так, то ничего.
Ну, вот, боярин. Прикажи немедля
Послать под Кромы тыши две аль три
Отборнейшего молодого войска
Из вотчинников и детей боярских.
В Сторожевом — пущай-де Салтыков.
В Большом полку пущай-де Скопин-Шуйский.
А чтобы мне их помыслы честные
Да были ведомы во всякий час,
При Скопине воссядет Шереметьев,
Морозова же — Салтыкову дать.
МСТИСЛАВСКИЙ. Затейливо, Иваныч.
ЦАРЬ. Не беда.
В правителе доверие смешно.
Хоть Скопин-Шуйский и в родстве со мною,
Но Шуйский в нем задумает одно,
А Скопин может выкинуть иное.
Хе-хе... Зато подарком королевским
Я, князь-боярин, очень успокоен.
По крайности, с литовской стороны
Нам нечего, по-моему, страшиться.
А посему-де отпиши указ,
Чтоб нынче на литовской на границе
Усилить бы дозоры трубачей.
И чтоб созвать немедля ополченье
На Суздали, на Пскове, на Смоленске
И двинуть к Польше тяглых мужичков.
Уж наши мужички-то не замают.
Ну, как же, князь-боярин, все упомнил?
МСТИСЛАВСКИЙ. Все, государь.
ЦАРЬ. Ну, с богом — начинай.
(Мстиславский уходит).
НАТАЛЬЯ. Дивлюсь я на тебя, Василь Иваныч,
Каков ты есть туманной человек.
ЦАРЬ. Туманной, говоришь?
НАТАЛЬЯ. Король поляцкий
Тебе за мудрость ворона прислал.
И сам ты молвил, будто бы доволен.
А вот однако выслал на границу
И Суздаль и Смоленск.
ЦАРЬ. Эх, девка, девка,
Не мог же я, помазанник-то божий,
Перед Мстиславским дурака принять!
Не мог же я на весь на сей курзал
Усесться в лужу со своей короной.
(Шопотом).
Ведь это же не ворон а... ворона!
Он старою каргой меня озвал.

Записная книжка Ильфа

После смерти Ильфа осталось много записных книжек. Он заполнял их не слишком усердно, хотя и придавал большое значение такой работе.

— Обязательно все записывайте, — часто говорил он мне, — все проходит, все забывается.

В Америке он купил пишущую машинку и в первый же день сел писать, вернее, печатать дневник. Ильфу нравился процесс печатания. Но поездка была так утомительна, что на дневник не хватало ни времени, ни сил.

Вернувшись в Москву, уже тяжело больной, Ильф снова вернулся к этой идее и стал регулярно записывать свои мысли и наблюдения, но уже не в форме дневника, а в виде отрывочных записей. За последний год своей жизни он напечатал так около двух печатных листов.

Эти заметки он делал весной 1936 года в Остафьеве и в Кореизе, затем летом — на даче под Москвой и осенью — в Форосе.

И только в двух местах рукописи Ильф вспоминает о своей болезни:

«...и так мне грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде».

«Такой грозный ледяной весенний вечер, что холодно и страшно делается на душе. Ужасно, как мне не повезло».

Здесь печатается с некоторыми сокращениями начало этих записок в том порядке, в каком они были написаны Ильфом.

Евгений Петров

* * *

Мгновав иву вавилонскую, ясень обыкновенный, дуб обыкновенный, скамейку садовую и уборную женскую, мы прошли прямо в ресторан, расположенный возле нескольких деревьев, носивших напыщенное название «рощи пробковых дубов». Самое удивительное было то, что бутылка вина, которую нам подали, была закупорена резиновой пробкой. Прислуживала нам собака, глаза у которой были полузакрытыми и злыми, как у Николая Второго. Так их рисуют в карикатурах.

Вы говорите это мне, прожившему большую и глубоко неинтересную жизнь.

В общем, ботаника из меня не выйдет.

На площадке играют в теннис, из каменного винного сарая доносится джаз, там репетируют, небо облачно и так мне грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде.

Книга высшей математики начинается словами: «Мы знаем...».

Чувство стыда не покидает все время. Пьеса написана так, как будто никогда на свете не было драматургии, не было ни Шекспира, ни Островского. Это похоже на автомобиль, сделанный с помощью только одного инструмента — топора. Актеры играют так ненатурально, так ходульно, так таращат глаза и каратыгинствуют, что девочка, сидевшая позади меня, все время спрашивала: «Мама, она сошла с ума, да? Мама, он сошел с ума, да?» Действительно, они играют, как сумасшедшие. Мама же спокойно отвечала: «Сиди спокойно, я все расскажу тебе дома». Хорошо художественное произведение, которое надо рассказывать дома!

Когда я смотрел «Человека-невидимку», рядом со мной сидел мальчик, совсем маленький. В интересных местах он все время вскрикивал: «Ай, едрит твою».

Лукулл, испытывающий муки Тантала. Ужасная картина.

«В погоне за длинным рублем попал под автобус писатель Графинский». Заметка из отдела происшествий.

Иногда раздается короткий и приятный звук как бы губной гармоники. Это поворачивается флюгер на башне винного сарая. Он сделан в виде морского конька.

Светит солнце, ночи лунные, но и днем и ночью деревья шипят от сильного норд-оста. Немножко раздражает этот постоянный шум природы.

«Посторонним вход разрешается», «Уходя, не таните свет. Пусть горит». Все можно будет, все позволится.

Рассказ капитана Эрбс о том, как у него была межреберная невралгия.

Передо мной стоял человек с большими эрачками и прикушенной нижней губой.

Татарский бог в золотой тюбетейке. Снялся на фоне книжных полок, причем вид у него был такой, будто все эти книги он сам написал.

Забудьте о плохом, помните обо мне только хорошее.

Обыкновенная фраза — «Тесно прижавшись друг к другу спинами, сидели три обезьяны». Можно еще чище и спокойнее — «Три обезьяны сидели, тесно прижавшись друг к другу спинами». А вот как это будет написано в сценарии — «Спинами тесно прижавшись друг к другу, три обезьяны сидели».

Нет, разница все-таки есть. Тебе скучно со мной, а мне скучно без тебя.

Ветер, ветер, куда деваться!

Я ничего не вижу, я ничего не слышу, я ничего не знаю.

Как мы лишем вдвоем? Вот как мы пишем вдвоем. «Был летний (зимний) день (вечер), когда молодой (уже не молодой) человек(-ая девушка) в светлой (темной) фетровой шляпе (шляпке) проходил (проезжала) по шумной (тихой) Мясницкой улице (Большой Ордынке)». Все-таки договориться можно.

Я обращаюсь к чувству, я старею на глазах.

Очень легко писать: «Луч солнца не проникал в его каморку». Ни у кого не украдено и в то же время не свое.

Требуются в от'езд ведьмы, буки, бабы-яги, кащеи бессмертные, гномы и кобольды на оклад жалования от 120 рублей и выше. Квартира предоставляется.

«Ты меня совсем не любишь! Ты написал мне письмо только в двадцать грамм весом. Другие получают от своих мужей по тридцать и даже пятьдесят грамм».

«Скульптура, изображающая спящего льва. Привезена морским путем из Неаполя в Севастополь, оттуда в Юсуповский дворец в Кореизе. Работа известного итальянского мастера Антонио Пизани. Художественной ценности не имеет».

Дядя Саша, бывший укротитель кур и мышей, теперь заведующий театральным сектором дома отдыха. Сколько таких дармоедов в Крыму, — еще не подсчитано.

Отдыхающий спал на зеленой траве. На нем были сапоги, мундир, все ремни были затянуты, как на смотру. Только ветер позванивал колесиками его шпор. Он спал глубоким сном.

«Скульптура фонтана «Плачущая гимназистка». Работа известного шведского скульптора Бреверна. Художественной ценности не представляет».

«Дворец князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон. В постройке его принимали участие лучшие художники и архитекторы своего времени. Дворец обошелся в два миллиона рублей и вызывал удивление современников своей роскошью. Художественной ценности не имеет».

Он, как ворона, взгромоздился на кафедру и заболтал: «Семнадцать и девять десятых процента»... Когда он окончил доклад, то тем же вороньим сумрачным голосом возгласил: «А теперь, ребята, приступим к веселью».

У мальчика было довольно красивое имя: Вердикт. А его звали Шишечка.

Уже известно, как надо писать рецензии; сценарий — хороший, играют — хорошо, снято — хорошо. А музыка? О музыке уже тоже известно, как надо писать. Музыка сливается с действием. Что это значит — никто не знает, но звучит хорошо: музыка сливается с действием. Ну, и чорт с ней, пусть себе сливается.

При исполнении «Кукарачи» в оркестре парили такая мексиканская страсть и беспорядочное воодушевление, что больше всего это походило на панику в обозе.

Персидская сирень, белая, плотная и набухшая, как разваренный рис.

Девушки-фордики. Челка, берет, жакетик, длинное платье, резиновые туфли.

Мазепа меняет фамилию на Сергей Грядущий. Глуп ты, Грядущий, вот что я тебе скажу.

Действительно, тяжелое имя для девушки — Хеврония.

Худые и голодные, как молодые черти.

«Это было в консульство Публия Сервилия Ваттия Изаурика и Аппия Клавдия Пульхра».

Письмо Алеши. «Привет женщине, смутившей мою душу». Никто и не думал, что он может так красиво выражаться.

Мы ложились на траву, и Алеша начинал читать Зощенко своим церковным голосом. Мало-помалу установился порядок, уже стало известно, как все произойдет, и, действительно, все так и происходило. Появлялся мальчик с автомобильным ободом, в двенадцать часов приносили гречневую кашу с молоком в суповой миске, свинья с красивыми глазами и длинными ресницами приближалась и пожирала скорлупу от орехов, тень переходила на другое место, и одеяла оттаскивали на два шага в сторону, что-то лепетал свое детское Дьявол Семеныч, потом все шли домой через овраг, на дне которого негромко шумел маленький поток, и валялись старые эмалированные тазы, синие и белые. Даль леска была зеленая и пепельная. Глубокий мир, монастырская тишина. Нет, Алеша читал в другом месте. Здесь он не был с нами. Сначала мы по ошибке лежали у самой дороги, среди мусора и экскрементов. За белыми развалинами дачи цветут большие маки. Иногда раздается шум шагов на песке, кто-то идет мимо, но лень поднять голову и посмотреть. Свинья была даже завитая, даже, кажется, с лакированными копытцами, бог ей судья, этой свинье.

Был у него тот недочет, что он был звезлочет.

Картина снималась четыре года. За это время режиссер успел переменить трех жен. Каждую из них он снимал. Ни чорта тут нельзя понять. То ли он часто женился, потому что долго снимал, то ли он долго снимал, потому что часто женился. И как писать для людей, частная жизнь которых так удивительно влияет на создаваемые произведения. Надо сказать так: «Мы очень ценим то, что вы любите свою жену. Это даже трогательно. Особенно сейчас, когда в укреплении семьи так заинтересована вся общественность. Но сниматься в вашей картине она не будет. Роль ей не подходит, да и вообще она плохая актриса. И мы просим вас выражать свою любовь к жене иными средствами».

Снова вечер, и голубой самоварный дым стелется между дачными соснами.

«Закройте дверь. Я скажу вам всю правду. Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги».

Вахтер с седыми усами отдает честь, я прохожу мимо. На меня смотрит с обеденных соломенных кресел, я прохожу мимо. Бука, полнотелый и порочный, играет в теннис и дружелюбно смотрит на меня, я прохожу мимо. Библиотекарша с апостольским пробором встречается на дороге, я здороваюсь и прохожу мимо. И вот я в парикмахерской, где бреющиеся ведут между собой денщицкий разговор.

Курточка с легкими медными пуговицами, алого, королевско-гвардейского цвета. Яркий солдатский цвет.

Никто не будет итти рядом с вами, смотреть только на вас и думать только о себе.

Пусть комар поет над этой могилой.

Газетный киоск на станции Красково, широкой и стоящей между шеренгами сосен. Газет нет совсем, имеется журнал «На суше и на море» за июнь прошлого года, журнал «Ворошиловский стрелок», книжка на еврейском языке, химические карандаши «Копирка» и детские краски на картонных палитрах. Таким образом, узнать, что делается на суше, на море, на воздухе и на воде, нельзя, надо для этого поехать в Москву. Солнце озаряет сосны, от сухого запаха разогревшейся хвои в горле немножко першит. Мимо на тяжелых велосипедах едут мальчики. Они счастливы. Да, еще продаются приборы для очинки карандашей под названием «Канцпром». Все.

Я не лучше других и не хуже.

А это, товарищи, скульптура, называющаяся «Половая зрелость». Художественного значения не представляет.

Весь месяц меня обдували в Кореизе отблески норд-оста, свирепствовавшего у Новороссийска.

Старуха рассказывала на бульваре, что в сибирских горах поймали женщину-зверь. Она весит сорок пудов, и при ней дочка восьми пудов. Русского языка женщина-зверь не знает.

Весь золотой запас заката лежал на просеке.

«Продажа кеп». Вольное и веселое правописание последнего частника.

Севастопольский вокзал, открытый, теплый, звездный. Тополя стоят у самых вагонов. Ночь, ни шума, ни рева. Поезд отходит в час тридцать. Розы во всех вагонах.

«Как работник сберегательной кассы я прошу вас изложить в юмористической форме те условия, в которых приходится работать сберегательным кассам».

Прогулка с Сашей в холодный и светлый весенний день. Опрокинутые урны, старые пальто, в тени замерзшие плевки, сыреющая штукатурка на домах. Я всегда любил ледяную красноносую весну.

Медливший весь день дождь, наконец, начался. И так можно начать роман, как хотите, можно, лишь бы начать.

Лучше всего взять самое простое, самое обычное. Не было ключа, открывал бутылку с нарзаном, порезал себе руку. С этого все началось.

Биллиард с шестью звонками в Юсуповском дворце в Кореизе. Царь, не попав кием в шар нажимает на звонок и командует вошедшему слуге: «Шампанского и корону». Так потом и играет в короне. Но два звонка на широких бортах и по одному на коротких.

Стоял, как в сказке, у забора добрый молодец в синей гимнастерке и сапогах, стоял, глубоко задумавшись, охватив затылок рукой, глаза уставив в землю. О чем же он думал, обдаваемый музыкой и пылью выходного дня?

Илья Ильф

Илья Ильф.

■ ■ ■

САТИРИК—ПУБЛИЦИСТ

Мих. ЗОЩЕНКО

Искусство советского писателя и поэта должно формировать то, что не сформировано прежней литературой. Это искусство должно построить такой мир и такую речь, которые не то что были бы тождественны с подлинной жизнью, но являлись бы великолепными образцами, к каким следует стремиться.

Нет сомнения, это — весьма нелегкое дело. Тут меньше всего нужна лакировка. Тут нужна та поэтическая сила, которая сумела бы сделать «вытяжку» из того, что уже имеется в подлинной жизни.

Вот как я понимаю искусство социалистического реализма.

И если это так, то задача сатирика сформировать такой отрицательный мир, который был бы осмеян и оттолкнул бы от себя.

Однако задача советского сатирика не только в этом.

Писатель, избравший сатирический жанр, должен обладать еще теми качествами, которые были бы, так сказать, «любезны» народу. И в первую очередь он должен обладать оптимизмом.

Если в прошлом сатирик имел право видеть мир в черных красках, если пессимизм и мизантропия нередко сопровождали его в литературных скитаниях, то сейчас эти качества совершенно непригодны советскому сатирику, писателю, у которого аудитория — народ.

Эти мрачные качества непригодны советскому сатирику хотя бы по одной весьма значительной причине — народу не свойственно такое мировоззрение.

Стало быть, советский писатель, избравший даже сатирический жанр, должен воспринимать жизнь оптимистически, то-есть он должен обладать тем мужественным восприятием вещей, при котором преобладают положительные представления.

Вот простенькая формула, без которой не обойтись писателю нашего времени, писателю, который служит народу.

И литератор, не сумевший расстаться с прежним интеллигентским мировоззрением, не сумевший избавиться от привычного скептического восприятия жизни, непременно будет терпеть поражения.

Писатель Ильф — сатирик и публицист — отлично понимал задачу советского писателя, задачу советского сатирика.

Несколько лет назад я встретил Ильфа в Ялте.

В тот год в литературных кругах особенно много дискутировали о сатире. И были случаи, когда люди договаривались до того, что сатира не нужна для Советской страны.

Мы заговорили с Ильфом об этом предмете.

Ильф весьма возмущенно и едко говорил «о тупых людях из литературного департамента», которые в пылу дискуссий имеют смелость договариваться до такого абсурда.

Однако мы пришли к мысли, что формула «сатира должна быть положительной», в сущности, справедлива.

Мы шли с Ильфом по набережной. На море был шторм. Какую-то маленькую рыбачью лодчонку, далеко за молом, швыряло, как скорлупу. Но эта утлая лодочка мужественно боролась с огромными кипящими волнами.

Ильф, показав рукой на эту лодку, неожиданно сказал:

— Писатель, который увидел бы в этой картине катастрофу, аварию, — это не советский писатель. В этой великолепной картине, не закрывая глаза на опасности, надо уметь видеть мужество, победу, берег и отличных, неустрашимых людей.

В этих удивительных словах Ильф с предельной точностью сформулировал задачу писателя, задачу сатирика.

Ум видит опасности и превратности, но воля к победе велика. Цель ясна. И положительные представления преобладают.

Нет сомнения, литератор, пожелавший писать для народа, должен обладать его положительными духовными свойствами — его оптимизмом и его радостным восприятием жизни.

Ильф был очень умный и тонкий человек.

Пожалуй, основное свойство его ума, это — едкость, язвительность, в чем было иной раз немало горечи и сарказма.

Петрову более свойственен юмор, более свойственны улыбка, смех, мягкая ирония.

Сочетание этих качеств дало удивительный эффект. Это было великолепное сочетание, какое в одном человеке почти несовместимо.

Сарказм и юмор, горечь и веселая улыбка, едкая злость и мягкая ирония — вот что дало нам это превосходное содружество, и вот что мы видим в книгах Ильфа и Петрова.

Я чрезвычайно высоко ценю их публицистические работы — фельетоны, статьи, газетные заметки. Но я еще выше оцениваю их роман «12 стульев» и книгу «Одноэтажная Америка».

«Одноэтажная Америка» — книга исключительной силы.

Тут зрелое мастерство, совершенная форма и отличный язык выдвигают эту книгу в ряд лучших книг советской литературы.

Я читал эту книгу с чувством большой радости. И я, не преувеличивая, скажу: с сожалением перелистывал оставшиеся страницы, — мне хотелось, чтоб их было больше.

По-моему, задача каждого человека — принести людям возможно больше пользы или возможно больше радости.

Если это так, то мы должны горько оплакивать нашего замечательного писателя и сатирика Ильфа.

ГАРМОНИЯ УМА И ЧУВСТВ

Л. НИКУЛИН

В журнале «30 дней» два никому неизвестных молодых человека напечатали первые главы сатирического романа, носившего удивительно простое и потому загадочное название — «Двенадцать стульев». Читатель с увлечением следил за похождениями сына турецкого подданного Остапа Бендера, хохотал над приключениями Воробьянинова. Это был настоящий советский сатирический роман.

Человек, заинтересовавшийся авторами советского сатирического романа, видел перед собой двух скромных, вдумчивых, любящих и понимающих литературу молодых людей. У них не было никаких дурных профессиональных литературных навыков, не было рисовки и позы, зазнайства и самомнения. Они любили свой народ, родину и верили в то, что страна наша — передовая, социалистическая страна. Вместе с тем они с поразительной меткостью наносили удары меракому и вредному.

Человек, не знавший профессии Ильфа, мог подумать, что перед ним архитектор, если бы он заговорил с Ильфом об архитектуре. Художник — человека, хорошо разбирающегося в живописи. Наконец литератор — внимательного, сурового и справедливого критика. Какой области ни коснулся бы Ильф, он обнаруживал ясные, здравые мысли, знание предмета. Это не был дилетантизм, это была глубокая и серьезная культура много знавшего, много читавшего умного собеседника. Он был чудесным собеседником, то серьезным, то веселым, то злым и опасным, в зависимости от того, с кем он говорил. Никогда разговор с Ильфом не был пустой болтовней, переливанием из пустого в порожнее, унылым препирательством, от которого человека охватывает сонная одурь.

Ясная, чистая и здравая мысль делала привлекательной каждую беседу с Ильфом. Разговор этот был нисколько не безобидным. Ильф мог сказать об ином человеке такое словцо, что после его никак нельзя было отодрать от человека. Одной фразой Ильф мог уничтожить бездарного тупицу, поставить на место наглеца или просто прогнать от себя ничтожного и пустого человека. Но человек, к которому он дружески относился, всегда был рад встрече, забывал о времени, о делах и в редакционной комнате, на улице, в поезде с удовольствием слушал неторопливую, прерываемую сухим, зловещим покашливанием, речь Ильфа.

Я думаю, что эти редкостные черты Ильфа-собеседника отчасти помогли ему найти свое второе литературное «я» в Евгении Петрове. В свою очередь, эти же качества помогли Евгению Петрову найти Ильфа. Дополняющее друг друга гармоническое творчество родилось из долгих бесед Ильфа и Петрова. Прежде чем начать работу, оба автора провели множество часов в простой и увлекательной для каждого из них беседе о тысяче вещей, может быть и не имеющих прямого отношения к их литературной работе. И в этих беседах и родились редкое, благороднейшее содружество, единство мысли, законченность литературной формы, когда невозможно отличить стиль одного автора от стиля и манеры письма другого.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ИЛЬФА

На вечере памяти Ильи Ильфа 13 апреля в Московском клубе писателей выступил тов. Федоров. Он не писатель, по профессии своей с писательской средой не связан. Но, сказал тов. Федоров, он не мог не притти сюда, узнав из газет о том, что здесь чтят в этот день память Ильи Арнольдовича.

Тов. Федоров познакомился с Ильфом в Кореизе, в доме отдыха, где они вместе прожили месяц и очень сдружились. Ильф, возвратившись в Москву, много и тепло рассказывал Е. Петрову о полковнике Федорове. Федоров же увез с собой из Кореиза ощущение общения с прекрасным и интереснейшим человеком, память о котором он бережно хранит. Он хранит также три вещи, полученные им от Ильфа: несколько писем, красный суконный галстук и книги «12 стульев» и «Золотой теленок» с автографом, кончающимся подписью: «Сержант изящной словесности».

В ответ на необычайную эту, но характерную для Ильфа скромную подпись, тов. Федоров в одном из писем назвал его флагманом изящной словесности. И писатель, конечно, заслуживает это высокое звание. Лучшее доказательство тому — огромная популярность увлекательных романов и блестящих фельетонов. Доказательство тому — содержание записной книжки, выдержки из которой читал на вечере воспоминаний Евгений Петров. В этих отрывочных записях — буквально драгоценные россыпи острых идей, своеобразных сравнений, метких определений, блестящих острот. Писатель не успел еще реализовать в законченное художественное произведение эти случайные заметки, но в них виден весь сатирический талант умершего в расцвете творческих сил Ильи Ильфа.

В. КИРПОТИН

СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЕ РОМАНА ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

4 апреля (16 апреля по новому стилю) Чернышевский закончил свой знаменитый роман «Что делать?». Таким образом, завтра исполняется семьдесят пять лет со дня написания одного из самых замечательных произведений русской литературы.

Необычайна история этой книги Чернышевский писал ее в Петропавловской крепости. «Что делать?» было начато 4 декабря 1862 г., а 4 апреля 1863 г. роман был уже закончен.

«Что делать?» проскочил в печать вследствие ряда благоприятно сложившихся случайностей. Рукопись романа поступила первоначально в созданную для следствия над Чернышевским особую правительственную комиссию. Царские чиновники даже в чрезвычайных обстоятельствах оставались царскими чиновниками — они поленились читать об'емистую рукопись и переслали ее в цензуру. Цензора же, увидев на рукописи печати всемогущей комиссии, составленной из высокопоставленных лиц, не решились рассматривать ее по существу. Пересылку романа через комиссию они поняли как разрешение на печатание.

На этом, однако, еще не закончились мытарства написанного в крепости романа. Некрасов, получив рукопись из цензурного ведомства, потерял ее. Драгоценному манускрипту грозило уничтожение. Однако об'явление в газете с обещанием приличного вознаграждения возымело свое действие: рукопись была принесена Некрасову и пошла в «Современник».

После напечатания в «Современнике» «Что делать?» было немедленно запрещено. Запрет этот действовал вплоть до революции 1905 года. Тем не менее роман читали в старых книжках журнала, в рукописных копиях — и зачитывали до дыр. Реакционные борзописцы, вроде пресловутого профессора и публициста Цитовича, вели отчаянную печатную кампанию против запрещенного, не издававшегося в России романа, они знали, что не было в России более или менее передового молодого человека, который бы не прочитал «Что делать?»

Роман «Что делать?» — очень важная глава в «могучей проповеди Чернышевского» (Ленин).

Роман заканчивается завуалированным по цензурным условиям изображением начала победоносной русской революции.

Чернышевский был утопическим социалистом, но замечательно, что картины будущего, изображенного им в «четвертом сне Веры Павловны», говорят о машинной технике как основе коллективного труда. «Почти все делают за них машины, — говорит Чернышевский о людях будущего, — и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, — люди почти только ходят, ездят, управляют машинами».

Чернышевский очень тонко, умело и понятно для самого неподготовленного читателя развивает в «Что делать?» основы материалистического миросозерцания. Рахметов, революционер, один из главнейших героев романа — материалист-фейербахианец. Когда Рахметов впервые натолкнулся на книги Фейербаха, то он «... читал больше трех суток сряду, — с 11 часов утра четверга до 9 часов вечера воскресенья, 82 часа; первые две ночи не спал так, на третью выпил восемь стаканов крепчайшего кофе, до четвертой ночи не хватило силы ни с каким кофе, он повалился и проспал на полу часов 15». Это — автобиографическая подробность.

Роман Чернышевского — настоящий гимн равноправию женщины с мужчиной. Равноправие женщин очищает моральную атмосферу общества, — учил Чернышевский. Равноправие женщин ускоряет общественный процесс: «Каким верным, сильным, проницательным умом одарена женщина от природы, — говорит Чернышевский устами Лопухова, — и этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задушает его, а история человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы этот ум не был отвергаем и убиваем, а действовал бы».

«Что делать?» — агитационный роман. Но он не просто агитационен. «Что делать?» — незаурядное **художественное** произведение. Два момента определяют его **художественное** значение. Во-первых — задушевная лиричность, эмоциональная насыщенность и убежденность.

Во-вторых жизненность типов. «Что делать?» имеет подзаголовок «Из рассказов о новых людях». Люди романа — это реальные люди России шестидесятых годов. Они вполне индивидуализированы, они типичны, они дают реальное, не искривленное представление о лучших деятелях 60-х годов. Таковы у Чернышевского Лопухов и Кирсанов.

В советской литературе одно время шел спор о том, имеет ли право писатель писать **публицистические** художественные произведения. Конечно, в искусстве первое место принадлежало и будет принадлежать произведениям, в которых идея выражается естественным движением самых художественных образов. Маркс и Энгельс в этом смысле и писали о преимуществах метода «шекспиризирования» по сравнению с методом «шиллеризирования». Но смешно было бы отрицать то, что существует: надобность, законность и художественная эффективность публицистически-художественного жанра. В разговорах на эту тему, к сожалению, забывалось одно важное обстоятельство: в создании произведений подобного рода решающую роль играют не соблюдение технических правил жанра, а сила, яркость и ценность убеждений автора. «Что делать?» тому красноречивейшее доказательство.

«Что делать?» — очень важная страница в истории русской литературы. И через 75 лет «Что делать?» — живая книга по своему историческому значению.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ о А. И. ГЕРЦЕНЕ

В Костромском архиве обнаружены новые документы о писателе-революционере А. И. Герцене. Наибольший интерес представляют так называемые уставные грамоты 1861 года, составленные после «освобождения» крестьян от крепостной зависимости.

А. И. Герцену принадлежала в Чухломском уезде часть деревень, доставшихся ему по наследству от отца. Крестьяне этих деревень, судя по уставным грамотам, пользовались большими льготами. Они получили по 6 десятин земли на душу. Это был высший размер душевого надела в губернии. За крестьянами было признано право беспрепятственного пользования лесом для строений и топлива.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. Н. РАДИЩЕВА

Академия Наук СССР предприняла издание полного собрания сочинений А. Н. Радищева (в трех томах).

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Патриот—агитатор—мастер

Со дня смерти Владимира Маяковского прошло восемь лет. При наших темпах это срок большой, а многое из того, что делалось восемь лет тому назад, перешагнуло очертания, потянулось длинной времени, стало историей или просто устарело.

Это никак не относится к стихам Маяковского. Они продолжают звучать лишнее сегодняшнего дня, они заглядывают в наше будущее, они сильны и рядом звучат свежее и моложе стихов, написанных вчера и сегодня.

Книги воспоминаний о Маяковском, музей Маяковского и даже памятник Маяковскому не могут заслонить его стихов, отрывать их от нашего «сегодня», сделать их академическими. Стихи Маяковского звучат в унисон с молотками метростроевцев, ведущих новую линию метро под площадью Маяковского. Здесь или поэт звучит всего уместнее, здесь он живой воодушевляет живых.

И когда, перечитав стихи Маяковского, закрываешь его книгу и выходишь на шумное обновленные московские улицы, — невольно ищешь глазами его характерную большую фигуру, и кажется — вот-вот покажется он из какого-нибудь переулка и скажет свое «маяковское» слово, иронически улыбнувшись и искренним поперечу из одного угла рта в другой. И афиша о вечере Маяковского в Политехническом музее или в Колонном зале Дома союзов еще сильней заторопит шаги...

Вспомнить о Маяковском, перечитать Маяковского — это значит проверить свой творческий путь. Образ поэта-трибуна, «агитатора, горлана-главаря», предельно честного и принципиального в своем творчестве, не может оставить равнодушным ни одного писателя, ни одного поэта, если они по праву носят эти звания.

Этот образ рождает творческое беспокойство, будит мысль, увеличивает требовательность и взыскательность к своему творчеству, дает мужество в период неудач и помогает преодолеть в моменты изнеможения.

Стихи Маяковского жили и животворили потому, что Маяковский всем своим творчеством поставил быт связан с повседневной жизнью страны. События политической и общественной жизни Советского Союза никогда не миновали его зрения, ему не приходилось заставлять себя откликаться на них. Нет! Он жил жизнью страны, и важное событие в стране было его личным событием. Есть люди широкого умственного кругозора, люди, которые умеют государственно мыслить. Маяковский умел и мыслить и чувствовать в государственном масштабе. Поэтому так глубок, так прекрасен и уверен патриотизм Маяковского — горячее чувство советской страны. Патриотизм Маяковского — не болтливое единство чувство; больше, чем кто-либо другой, он знал и чувствовал строит и знал, за что именно и почему он ее любит. Этому чувству сознательного, высокого патриотизма, чувству поэта-гражданина любой советский писатель может учиться у Маяковского.

Поэт и литератор Владимир Маяковский обладал качеством чрезвычайно ценным и не всегда встречающимся в нашей среде даже у людей одаренных: ему был присущ профессионализм в самом лучшем смысле этого слова. Он знал все тайны своего мастерства, знал, как делаются стихи. Он беспрерывно улучшал, изобретал, рационализировал, старался, чтобы меньше было «простоев» и «творческого молчания», за которым часто скрывается духовная лень и ожирение. Он знал, что печатные органы должны выходить в положенный им срок, и даже гений не может задержать своевременного выхода газеты. Все, что писал Маяковский, сделано профессионально прекрасно хорошо, на всем лежит печать мастера, будь то большая поэма, газетный фельетон или рекламная строчка. Некоторые наши поэты до сих пор считают для себя почти унизительным сдать работу точно к сроку, им кажется, что это принижает их работу и порочит высокое звание: они должны «вынашивать», «выбухивать», — а тут какие-то сроки! Маяковский, раз давши слово, никогда не позволил печатный орган, и это отнюдь не мешало его поэмам быть более «выношенными», «выбухшими» и мастерскими, чем многие и многие другие. Профессионализм, точность, аккуратность, умение при нужде сделать вещь быстро и хорошо, знание всех тонкостей поэтики и самой технологии стиха, постоянная учеба, изучение и опыты в этой области — вот наследство, которым мало учатся у Маяковского наши поэты.

Великая головешина лежит не только тем, что мы со злобой или с умилением вспоминаем об ушедшем и перечисляем его заслуги. Сам Маяковский не любил, когда «сим с платочек расседлано». Мы отзываемся на наше «сегодня», чтобы сделать и уверенней шагать сегодня и завтра.

Чувство сегодняшнего дня; постоянная внутренняя мобилизованность Маяковского, умение его быстро, талантливо и во-время помочь словом огромному делу, которое делают партия и народ, — вот чему учимся мы, вспоминая Владимира Владимировича.

И все писатели, которые не хотят остаться в обозе, все, кто хочет быть действительно полезным и нужным народу, народу и партии, пусть опытят еще раз горячие дыхание поэзии Маяковского, пусть прислушаются к неумолкающему голосу «агитатора, поэта-главаря».

Это поможет им лучше работать завтра.

Пушкин и Маяковский

Известно, как негодовали литературные староверы, когда молодой Пушкин выступил со своей первой поэмой «Руслан и Людмила». М. Т. Качановский в «Вестнике Европы» сравнивал появление этой поэмы-сказки с вторжением в благородное собрание мужика в армяке и лаптях, который бы вдруг зычным голосом закричал: «Здорово, ребята!». Поэма Пушкина была воспринята Качановским как «шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным», отвратительная и намало не смешная.

В борьбе с многочисленными литературными и нелитературными врагами утверждал Пушкин свое искусство. Он всегда был новатором, всегда был «победителем учеником».

Прошли годы, и Пушкин-новатор, основоположник новой русской литературы, превращенный в верноподданного служителя муз, был канонизирован. Чиновники сделали свое дело—«навели хрестоматийный глянец». Усмиренный Пушкин стал принадлежать школе, государству и даже церкви.

Когда, немало до войны, молодой Маяковский приехал с лекциями о футуризме в Одессу, ветхий полицейский «чин» ему заявил: «Имейте в виду, я не позволю вам говорить неодобрительно о деятельности начальства... ну, там Пушкина... и вообще».

По существу дело было совсем не в Пушкине. Не светлым именем Пушкина прикрывались бездарные поэты и тупые приват-доценты, убежденные, что они «воспитаны на Пушкине».

*

Ин. Оксенов в содержательной статье «Маяковский и Пушкин», помещенной в третьем выпуске пушкинского «Временника», убедительно показал, что даже в самый «нигилистический» период творческого пути «для Маяковского вопрос об отношении к Пушкину и классикам вообще далеко не сводился к тактике сбрасывания с парохода современности»... И Оксенов, конечно, прав, когда утверждает, что «творческое бунтарство» Маяковского было бесконечно сложнее и глубже, чем анархический нигилизм Писарева.

О повышенном интересе Маяковского к Пушкину свидетельствует К. Чуковский. В годы империалистической войны Маяковский часто брал у Чуковского с книжных полок не только сочинения Пушкина в шеститомном издании под ред. Венгерова, но и работы пушкинистов: Щеголева, Лернера и других. В это время Маяковский мог наизусть и «Полтаву» и «Медного всадника» и поэму о Тазите. Даже «обрезанная Пушкина с парохода современности», Маяковский тайком от других, а может быть и от самого себя, любил Пушкина. И не случайно в статье «Два Чехова» Маяковский называет Пушкина «веселым хозяином на великом празднике бракосочетания слов». А через два года, когда Брюсов сделал неловкую попытку закончить «Египетские ночи», Маяковский вступился за Пушкина и написал уничтожающую Брюсова эпиграмму.

Прошло еще два года. В 1918 году, выступая в петроградском Пролеткульте, Маяковский уже открыто признавал, что «Пушкина читает по ночам, в отличие его рукает, что, быть может, сильно любит». Так подготавливалось обращение Маяковского к Пушкину в «Юбилейном»:

Может
быть
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых.

*

Метрико-тоническое стихосложение, привитое русской поэзии Ломоносовым и Тредьяковским, было всесторонне разработано и обогащено Пушкиным. Ему было открыто множество еще неиспользованных русской поэзией возможностей (напр трехсложные размеры). Однако и Пушкин не довольствовался только метрико-тонической системой. Превосходно зная лад народной песни. Пушкин пишет некоторые свои сказки (напр. «О Балде» или «О золотой рыбке») уже тоническим стихом. О тоническом стихе говорит Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург». После пространной цитаты из книги Радищева (глава «Тверь»), Пушкин писал: «Радищев, будучи нововодителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения Телемахиды замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами»... Маяковский смог окончательно преодолеть традицию метрико-тонического стихосложения. Новая система оказалась более емкой. Она поглотила всю классическую метрику, как ряд возможных частных случаев.

Новая поэзия требовала новой, более сложной ритмики, новой техники рифмования, новой лексики. Об этом неустанно говорил Маяковский в стихах и прозе, устно и письменно. Реформа русского стиха была подготовлена всей историей русской поэзии.

*

26 мая 1924 г. на диспуте в Малом театре Маяковский говорил: «Я месяц тому назад, во время работы, когда Брик начал читать «Евгения Онегина», которого я знаю наизусть, не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия:

Я знаю: жребий мой измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

«Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям; и даже в тот момент, когда смерть будет накладывать нам петлю на шею. Тысячи раз; учиться этим максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли».

«Победитель ученик» Пушкин превращался в побеждающего учителя. Но признание Маяковским этой победы было победой для самого Маяковского. Так о Пушкине до Маяковского не говорил никто.

Сочтемся славою—
ведь мы свои же люди—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
(«Во весь голос»).

*

В одной из черновых заметок 1828 года Пушкин писал: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем». Эти слова как будто имеют прямое отношение к поэзии Маяковского, который вслед за Пушкиным утверждал:

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой.

О напряженной работе поэта рассказал Маяковский в своей статье «Как делать стихи». Двенадцать вариантов одного стиха свидетельствуют почти о «пушкинской» требовательности.

От плодотворного экспериментаторства Маяковский шел к умной простоте.

Для нас не может существовать вопроса: «Пушкин или Маяковский?». Совершенно бесполезно спорить—«кто из них значительнее и кто нам сейчас нужнее?». Оба поэта принадлежат нам. Имена Пушкина и Маяковского навеки соединила социалистическая революция.

В. МАНУЙЛОВ

■ ■ ■

Автошарж В. Маяковского, нарисованный им для журнала «Шквал».

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

Арнольд Цвейг

1.

До недавнего времени модно было преуменьшать значение немецкой эмигрантской литературы, а тот исключительный интерес, с которым во всем мире относятся к ее выдающимся представителям, об'яснять лишь сочувствием к судьбе бесприютных скитальцев. Когда рассматриваешь творчество такого крупного представителя немецкой антифашистской литературы, как Арнольд Цвейг, то сразу понимаешь, насколько наивны подобные соображения.

Как богато творчество Цвейга, как насыщено, и насколько богаче, насколько шире и полнее стало оно за последние, тяжелые годы изгнания! Благодатный путь проделал писатель Арнольд Цвейг от первых своих эстетствующих, стремящихся создать настроение новелл до цикла романов «Великая война белых людей», над которым он теперь работает. Когда думаешь об этом, то кажется, будто чья-то рука преднамеренно толкнула писателя на тяжелый жизненный путь для того, чтобы он совершенствовался.

Историк литературы в будущем установит, что Арнольду Цвейгу принадлежит заслуга создания первой немецкой злободневной повести «Ритуальное убийство в Венгрии» и что затем Цвейг, первый из немцев, написал большой роман, посвященный войне, книгу «Спор вокруг сержанта Гриши».

Но установить этот факт — значит сказать лишь очень немногое об Арнольде Цвейге. Тот, кто прочел один или два рассказа, один или два романа Арнольда Цвейга, тот мало знает о нем. Цвейг писал трагедии и комедии, исторические и современные рассказы, большие и небольшие романы, бесчисленные мелкие рассказы, одноактные пьесы, бесчисленные статьи и очерки, литературные, политические, биографические, он писал и переводил стихи, произнес и опубликовал много речей. У Цвейга бурная фантазия и очень легкая рука. Это огромное преимущество, но такое дарование таит в себе и некоторую опасность. Оно приводит к тому, что писатель, по временам, разбрасывается. Мы благодарны Цвейгу за бесчисленные маленькие шедевры, которые он подарил нам. Многие из них отличаются большим мастерством, как, например, новелла «Зверь», или знаменитая речь о Ратенау, или прекрасный очерк о Брехте, или глубокие и ясные статьи о Зигмунде Фрейде и о проблемах фрейдизма. Но тем, кто любит и чтит Цвейга, хотелось бы, чтобы этот крупный писатель всецело посвятил себя своему главному произведению — циклу «Война белых людей», рассчитанному на семь романов.

2.

С другой стороны, именно эта бурная фантазия, эта легкая способность ассоциации придают романам Цвейга чисто бальзаковскую насыщенность. Все новые люди появляются в его книгах, две-три фразы—и они возникают перед нами и живут, события согласуются, сплетаются, великий художник гонит этих людей через все высоты и глубины, и при этом все в целом, люди и события, остаются целеустремленными. Никогда не теряется связь с основной идеей, с основной темой.

Среди немецких писателей Арнольд Цвейг —один из немногих рассказчиков; он обладает прирожденным даром вымысла, присущим столь немногим из них. Приятно слушать, когда Цвейг рассказывает, как он представляет себе сюжет будущего романа. Это волшебство, великое волшебство поэта. И все это делается легко, без напряжения. Цвейг рассказывает, рассказывает часами, буквально видишь, как последовательно, одна за другой, возникают ассоциации; так, вероятно, вели рассказ у фонтана перед потрясенными слушателями арабские или иранские поэты. Только у нашего Арнольда Цвейга, человека весьма западного, люди и события не совсем вымышлены. Нет, действующие лица цвейговских романов — это образы, ни в какой мере не воздушные, это люди нашего времени, это ты и я, и судьба, постигающая их, это моя и твоя судьба: война и ее последствия.

Да, война, в которой он участвовал на обоих фронтах и притом в качестве фронтового парня — в качестве нестроевого солдата — одно из главных переживаний Арнольда Цвейга. Социализм, к которому пришел Цвейг, глубоко прочувствованный, не бумажный, не почерпнутый из книг. И поэтому социализм, о котором повествует Цвейг, производит впечатление такого конкретного, такого реального.

И действующие лица Цвейга видны нам изнутри и извне. Они твердо стоят перед нами, облеченные в плоть, и каждый из них живет, повинуясь своему собственному закону.

3.

Попытаемся показать, каким своеобразным способом разрешает Цвейг те большие проблемы, которые он ставит перед собой. Как именно он отражает космос в атоме. Покажем это на примере того военного романа, который прославил его, на примере книги «Сержант Гриша». Задача Цвейга в этом романе — передать все, что он видел и перечувствовал на войне. Но, конечно, он не так безрассуден, чтобы пытаться воспроизвести полную картину войны, задаться целью написать исторический роман со сражениями, генеральными штабами, с бутафорией героизма и пацифизма. Наоборот, он описывает конец одного незначительного человека, именно атома, одного из сорока миллионов, одетых в военную форму, — историю сержанта Григория Ильича Папроткина.

Писатель Арнольд Цвейг рассказывает, таким образом, о мелком случае из времен великой войны. Но, великий эпик, он небольшое происшествие преподносит в его великой взаимосвязи со всем окружающим. Постоянно подчеркивая его незначительность, его атомообразную малость, он не порывает ни одну из нитей, всесторонне связывающих это происшествие с великими событиями.

Эта книга — замечательный эпос, в ней сотни людей не только живут каждый сам по себе, но из них создан свой, своеобразный мир, создан мир вообще. Необычайное художественное чутье и мастерство Цвейга спасают его от соблазна произвольно увлечься одним каким-либо персонажем, с творческой мудростью талант его распределяет свой теплый свет во все стороны, каждому — свое. Все эти человеческие разновидности, неограниченные властелины, крупные промышленники, народ оккупированных областей, русские, евреи, иностранные господа из Красного Креста, генералы, этапная толпа, сестры милосердия, ординарцы, всевозможный сброд, весь гигантский механизм войны, крупные и мелкие хищники, все они живут каждый по-своему и все-таки только вокруг и ради обреченного на смерть Гриши.

Можно было бы показать, как таким же образом в судьбе немногих отдельных лиц отражена социология войны, классовая борьба в окопах, понимание интеллигентами того, что судьба их связана с судьбой пролетариата. И теперь уже, когда план огромного цикла романов «Война белых людей» выполнен еще не до конца, можно понять, как искусно построена вся система, в которой отдельные романы в тесной взаимосвязи вращаются вокруг одной основной идеи, как планеты вокруг солнца.

Нужно много мужества, чтобы взять на себя такую, рассчитанную на десятилетия задачу, как создание этого цикла романов. От писателя Арнольда Цвейга эта задача требует двойного мужества, ибо ему больше, чем другим, мешают внешние затруднения. У него ненадежное зрение, оно редко позволяет ему писать и почти никогда не дает ему возможности читать.

Арнольду Цвейгу пятьдесят лет, он в расцвете своих творческих сил. Первую, наиболее трудную, часть поставленной им перед собой великой задачи он выполнил. Мы не сомневаемся—он заставит себя выполнить и то, что ему еще осталось сделать.

Полностью статья Лиона Фейхтвангера напечатана в антифашистском немецком журнале «Ди Нойе Вельтбюне» в связи с пятидесятилетием одного из крупнейших современных немецких писателей—Арнольда Цвейга.

ДВЕ КНИЖКИ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

Свои первые книги этого года журнал «Звезда» открывает романом Виктора Федорова «Горная дорога». Единственное впечатление оставляет этот роман, по крайней мере те его части, которые напечатаны в двух книжках журнала. Роман читается, но может не читаться с интересом, но зачастую не по вине автора. Читатели увлекают прежде всего события, взятые в основу романа, — Урал 1918 года, упорная борьба рабочих и крестьян с бандами атамана Дутова и чехословацкими авантюристами. Автор более или менее последовательно излагает ход событий, отдельным главам придает даже характер обычной хроники, и, при отсутствии на книжном рынке исторической литературы, роман в главах читается имеет ценность прежде всего познавательную. Но автор ставит перед собой другую задачу. Он пишет не хронику, не исторический очерк, он пишет роман. И вот здесь дело у автора обстоит не совсем благополучно. Многие страницы «Горной дороги» вызывают чувство разочарованных, тем более обидного, что автор одарен, а тема, взятая им, чрезвычайно важна и интересна.

Обидно прежде всего то, что люди в романе Федорова не запоминаются. Они теряются в лавине событий, надолго исчезают из поля зрения автора, вновь появляются на какой-нибудь сотой странице и снова надолго уходят. Задавленный обилием материала, автор не успевает следить за судьбой своих героев. На ленту пишу спитые слова расплываются буквально на главах, и иногда кажется, что существуют они как единое целое только потому, что книга отпечатана. То в дело вмешивается отклонение в сторону от главного, к сказу работ, в ушах стоит непрерывный, невыносимый шум. И совсем уж плохо то, что большинство героев «Горной дороги» лишено всякого своеобразия, лишены характера, ограничиваются лишь по имени и фамилии. Это относится прежде всего к таким выдуманным героям, как большевик Куртанов, матрос Чугунов, командиры рабочих отрядов. В изображении Федорова все они в общем одинаковы, говорят газетными словами, действуют как-то очень уж механически. И из этого это происходит, что нехватает у автора художественных средств для изображения человеческих характеров. Находит же он живые слова для деда Кануна, побасенки которого сделаны подчас превосходно, с большим знанием народного говора, образного языка нашей деревни. Нет, автор просто торопится, небрежничает, не дает себе труда поглубже разобраться в психологии своих героев.

Написан роман неровно. Манера изложения то и дело нарушается известь откуда набежавшими иностранными или грубо «городскими» словечками, которые звучат просто кульярно.

«В зиму, в морозы все получше забирается в ил, в мох, в норы, впадает в анабиоз».

«Вальяжная, румяная жена Колесова — дама с внушающим доверием, в розовом пеньюаре, который на ней всегда лежала не по утрам, посмотрела в окно».

«Чувство собственности шевелилось в кухарке, но перевы бесцеремонно взвинчивает ее под мышкой».

«Рябой белокаменный потник стоял на дороге и, стреляя из наганов по зверям, обнаружив от просто, выдвинувшая длинная неприкрытые рукавчатые».

Странное впечатление производит неожиданная дезориентация автора, порожденная тем, что в рецензии бой кто-то выражается «инвалидно».

Есть и такие фразы:

«Он наклонился грузным горбом на стол и заскрежетал страшенным смехом».

Иногда у автора просто вылетает слов и он кашлет так:

«— Хрр... Гм... Ах... Ха... Гр...»

И тут же опять:

«Такут дел расчесываемых пальцами бобу или мишени».

А через несколько страниц снова:

«— Ррр...

— Ааа...

— Ррр...»

Посмотрю на обилие подобных «ррр», читатели не страшно. Ему скучно. Лишь к концу второй части книги роман становится более чистым, в характеры героев приобретают черты некоторого своеобразия и глубины. Поэтому есть основание надеяться, что в дальнейших главах автор, несомненно талантливый, избавится от погрешностей, свойственных первой и второй частям романа.

Беллетристический раздел двух номеров «Звезды» вообще не производит выгодного впечатления. Думается, что редакция, привлекая к сотрудничеству молодых авторов, не работает с ними и, по существу, оказывает им медвежью услугу, печатая рассказы постыдные, растянутые, написанные вторично и очень небрежно. Два рассказа И. Кратт «Юмаевка» и «Уазал последний» внешнему интересны, но проигрывают от соседства с другими рассказами того же Кратта, сделанными на тот же материал, но однообразно, монотонно, с назойливым и утомительным повторением.

Хорошо задуманный рассказ Василия Андреева «Комроты выстреливать» очень растянут и кое-где превращается в вопросу в методический справочник по работе в штрафных ротах. Если бы редактора посоветовали Андреева сократить рассказ вдвое, то в выигрыш бы он от этого тоже вдвое.

Читатель ищет в толстых журналах хорошие рассказы, повести, романы. Если говорить о первых номерах того года, то журналу «Звезда» похвастаться в этом отношении нечем.

Е. КРИГЕР.

Почему не издают Маяковского?

Как наше издательство удовлетворяет огромный спрос на произведения Маяковского?

Какая книга талантливейшего поэта нашей советской эпохи выпущена в 1938 г.?

Гослитиздат не выпустил в этом году ни одной книги Маяковского.

«Советский писатель» — ни одной...

«Искусство» — ни одной...

Иногда — ни одной...

Лишь «Молодая гвардия» выпустила из печати сборник оборонных стихов Маяковского «Необходимое оружие» и Ленинградское отделение Детгиза выдало одну книгу Маяковского — поэму «Владимир Ильич Ленин».

В чем дело?

Гослитиздат в 1936 году приступил к новому академическому изданию полного собрания сочинений В. В. Маяковского в 12 томах. Прошел 1936 год, 1937 год, начался 1938-й... За два года Гослитиздат не выпустил из одной книги из собрания сочинений Маяковского. Два тома в наборе, четыре — замаскированы, три — в редакционном портфеле издательства. Только через год можно руководители Гослитиздата обещают выпустить первые три тома, а все издание выйдет в течение... двух лет (1938—1939 гг.).

«Советский писатель» в 1937 г. издал только одну книгу Маяковского («Облако в штанах», «Хорошо») тиражом в 7.000 экземпляров. В 1939 году вышло небольшое литературное пособие «В мастерской стиха Маяковского». В планах издательства на 1938 г. не запланировано ни одной книги Маяковского.

В Детгизе нас заверяли, что в 1938 г. маленький читатель получит «Гуляем» (100 тысяч экземпляров). Что такое хорошо, что такое плохо» (250 тыс. экз.) и кроме того два сборника стихов Маяковского для детей старшего возраста. Но пока ни одна из этих книжек в печать еще не сдана.

Государственное издательство изобразительных искусств уже около 2½ лет никак не может выпустить альбом «Гроздья смеха» («Осколки Ростов» Маяковского). Три раза переносили сроки, и только недавно альбом Маяковского сдан в производство.

Книги Маяковского должны быть изданы без всякого промедления. Этого требует наш советский читатель.

А. К.

ЗАПИСКИ ЧИТАТЕЛЯ

Бледные тени

Прочитал повесть В. Шклонского «Русские в начале XVII века» (журнал «Знамя» № 1, 1938 года). Закружили. О чем, собственно говоря, написана эта повесть? Если судить по названию, то как будто автор собирался написать о русском народе. Если же вспомнить заключительные строки повести о «священных» именах Минина и Пожарского, то как будто автор предполагал рассказать об этих героических русских людях.

Что же получилось?

Народ в повести показан в виде аморфной бесправной массы. Скупой рассказ о том, как крестьянин уходит в казаки, не дает представления о делах и думах народных. Не помогает в этом и анализ в «шинках», разбивших польскую Отрусеи отряд. Почему это вдруг мужики начали организовать отряды, понять трудно. К слову сказать, юмор в виде «Сидай пузаны, ватагиный зонай» надо признать неуместным и даже... грубым.

В стране происходят события огромной важности. Мелькают одни за другим царь, Бюркенгоф, наемные заимодавцы. Бродят шайки разных атаманов. Народные массы начинают принимать участие в борьбе. Начинает складываться национальное государство. А как рождалось национальное самосознание народа, из повести не видно, несмотря на все цитаты из различных источников, приводимые автором.

Организация Нижнего-Новгорода борьбы с польскими оккупантами в повести изображена в виде заговорщиков замысел Козьмы Минина, который, как апостол, ходил и проповедывал поход на Москву. Очевидно, в этом большом деле принимали участие широкие народные слои, поставившие Минина, а вслед и Пожарского на ноги. Об этом автор ничего не говорит.

О поражении войск польского короля Сигизмунда под Новополавском автор сообщает, что «отбили короля новополавские крестьяне». Почему они подвелись, как кумаки организоваться для боя с регулярными королевскими войсками, ничего не сказано.

В таком же роде описаны автором все события, участником которых являлась народная масса.

Почему же так бледно показан в повести народ?

Ответ, мне думается, может быть один. Потому, что народ автором обезличен. Деление народа на крестьян, казаков и помещиков дворян, проведенное авторами, дает лишь общее представление о социальных группах, но явно недостаточно для художественного произведения, задачей которого является показ в живых образах быта и борьбы этих социальных групп. Автор же именно живых людей старается показывать поменьше, особенно когда речь идет о крестьянах и казаках. В результате народ начинает нам представляться в виде какой-то огромной амебы, которая самопроизвольно, в силу внутренних биологических причин, является на части, отчасти обновляется и поглощает отдельные частицы окружающей среды и вообще не участвует в переработке этой среды. Творческая воля, присущая великому народу, в повести не показана.

Но, может быть, Б. Шклонский совсем не думал говорить о народе. Может быть, он хотел показать нам героев на фоне народного движения. Тогда посмотрим, каковы вышли герои.

О главном герое — Козьме Минине — автор приводит краткую биографическую справку, где он родился и чем занимался. Потом вдруг сообщает что «тут начал говорить Минин о том, что надо опоститься и всякать в братоих. Почему он начал говорить, что его заставило — неизвестно, а надо бы народное дело «пронес Козьма сам свои имение и даже монисты и оперные жены своей, Татьяны». О монистах и оперных автор не забыл написать, а о причинах, побудивших героя на подвиг, ничего не рассказал. Получилось совсем как с евангельскими апостолами, на которых сошел «святой дух», и они вдруг заговорили на разных языках. На Минине тоже, видимо, нашел какой-то «дух».

Такого же «чтива» придерживается В. Шклонский, описывая и остальных героев повести. О Пожарском из повести мы узнаем, что по разрядным книгам был он «стряпчим Ловчих жили четырнадцать месяцев». Кроме того, можно по повести предполагать, что Пожарский был человеком храбрым. Вот, пожалуй, и все. О том, как Пожарский сплотил во главе народного движения, автор рассказывает:

«В письме он (Минин. — П. С.) предлагал выбрать князя Дмитрия Пожарского, который вместе с мужиками дрался в Москве против ляхов».

Пожарский был человеком, он в такой ранге не замечательным.

Все знали, как грабили Пожарский.

Народ верит ему».

Так и избрали Пожарского. Сам он, если верить автору, тут не при чем. И вообще, если продолжать верить автору, был он, Пожарский, человеком бесцветным. Выбрали — служит, прикажут — тоже служит. Только один раз он свой характер показал, да и то по делу малозначному: не захотел отдавать бояриной Гагариной. Так бледной тенью и прошел по повести князь Дмитрий Пожарский.

Стоит ли об остальных героях повести говорить? Все они показаны автором только внешне, человеческая их сущность остается не раскрытой. Автор как будто боится изображать психологию. А напрасно. Описанием одних только внешних признаков полного образа человека не создашь. Не мешает знать и о том, что в как человек думает, а иногда рассказать и о причинах его действий.

В. Шклонский, видимо, задался целью показать образы своей произвольным движением их поступков и сведениями биографического порядка. Нет, этого мало.

Выходит, что и с героями у автора получилось неважно. Нет в повести живых людей, а лишь бродят их бледные тени.

Автор в плану у задуманных им символов и обобщений, поэтому живые люди его не интересуют. Достаточно вспомнить заголовки повести и отдельных глав. «Русские в начале XVII века». Какое широкое обобщение! Тут можно написать много или объяснять пересказом истории, что и делает автор. «Тоже наступает на Москву». Какой символ! Тут можно писать... все, что хочешь. Автор так и делает. У него даже земля начала мечтать о свободе, а царь Борис, уподобившись древнему царю персидскому, который велел море высечь, решил эту мечтательную землю наказать, не оставив на ней ни кола, ни двора.

«Выборные всей землею люди», «Русской земли рать». Может быть, какой-нибудь древний историк так и писал, а В. Шклонскому не следовало бы. Давно известно, что историю делают классы, а рать всегда чьи-либо интересы защищает. Зачем же суть дела затуманивать? Ясно, что земля никого не выбирает и никаких ратей не создает. Вот и надо бы было сказать, чьи выборные люди руководили делами и чья рать освобождала Москву.

Несколько слов о форме.

В. Шклонский известен нарочитой вычурностью языка. Он, видимо, очень заботится о том, чтобы его с кем-либо не спутали. Поэтому и старается оригинальностью в расстановке слов и фраз создать свой «шкловский» стиль. Путь к своему стилю едва-ли правильный. Стиль, думается, создается не только словами, но и их смыслом. А вот о смысле В. Шкловский не всегда думает. Все же можно в этой повести отметить значительный прогресс. Повесть читается довольно легко, чего нельзя сказать о других произведениях того же автора.

Меня, как военного человека, интересовали описания битв. Не могу судить о степени художественности этих описаний, но с военной точки зрения они неинтересны. В них нехватает точности. Когда, например, прочитаешь описание боя под Москвой, то так и не поймешь, из кого состояли войска Пожарского, из конницы или из пехоты, как они были организованы и какой план боя был у Пожарского. Создается впечатление, что битву вели с обеих сторон неорганизованные толпы конных и пеших людей. На самом деле, конечно, этого не было.

Несмотря на все перечисленные недочеты, в повести есть и свои достоинства. Достаточно полно показана низменная роль боярства. Есть ряд интересных исторических деталей. Местами хорошо даны мелкие черты быта. Из повести видно, что В. Шклонский исторические события интересуют, он умеет разыскать нужные и интересные материалы.

Комбриг П. С. СМИРНОВ

Театр—Кино—Музыка—Живопись

«ПЕТР I» В ТЕАТРЕ

10 апреля Ленинградский государственный драматический театр имени А. С. Пушкина показал премьеру новой, третьей редакции пьесы А. Н. Толстого «Петр I» в постановке заслуженного деятеля искусств Н. М. Сушкевича.

Новый сценический вариант пьесы Толстого о Петре Великом представляет собой совершенно оригинальное художественное явление. Ему предшествовала многолетняя работа писателя над толкованием исторического образа Петра и его эпохи, начавшаяся в 1917 г. и в двух томах его романа «Петр I», и в двух первых редакциях пьесы о Петре — «На дыбе» и «Петр I».

Не сразу нашел Ал. Толстой исторически правильный образ гениального реформатора и не сразу дал он правильную оценку великим делам его. Сначала — в рассказе «День Петра», и в пьесе «На дыбе» и отчасти во втором варианте пьесы «Петр I» — писатель склонялся к умалению значения Петра, к снижению его исторической роли.

Незадолго до своей кончины А. Толстой провел редакцию пьесы «Петр I» близко к роману и, в особенности, сценарию.

В пьесе «Петр I» много подлинных исторических эпизодов.

С большим мастерством показана Толстым одна из самых напряженных, одна из самых волнующих картин пьесы — картина Полтавского боя. И комические зрелища в этой сцене Петр, счастлив, мужественен, отважный человек.

Глубокий историзм, большая государственная идея — идея борьбы за родину, — лежат в основе толстовского «Петра». Толстому удалось умно и исторически верно решить одну из самых трагических коллизий драмы, тему Петра и Алексея.

Толстой мастерски изображает Алексея — этого хитрого и лицемерного ставленника реакционеров, готового расторговать родину по частям, лишь бы добыть денег и войско для борьбы с Петром и народом за боярские «права», за поповскую, монастырскую Русь. Обвинив предателя-сына перед сенатом, Петр связывает его преступления злыми с коварными замыслами иноземных врагов России и русского народа. «Помятежу, — говорит Петр, — не для того мы лили пушки и трудимся иногда свыше сил и жертвуем всем, даже до последнего жреста, чтобы нас было перерасло... Не войны мы хотим, но мира. Столь много боятся у нас, что на двести и триста лет хватит нам трудиться мирно. Но помнить надлежит законодательство. «Храня мир, не ослабевай в воинском искусстве». Как табун коней в некоем поле, окружены мы хищными зверями, и злой тот хозяин, кто их поставит столь, что мой Алексей готовился предать отечество, и в тому были у него сообщники... Он подлежит суду. Сам я не берусь лечить сей смертельную болезнь. Вручаю Алексея Петровича сим, сенатам решить. Судите и приговорите, и быть по сему...» Таким образом главная тема пьесы — борьба за родину, оборона страны от ее предателей и врагов. И не жертва почему человек — революционер и предатель, и зол к сему является, ибо его карает история.

Алексей Толстой написал увлекательное произведение.

Государственный театр им. Пушкина исполнил интересный спектакль. Особенно удались роли Петра (засл. арт. Чернышев), Алексея (Ю. Корольков), Меншикова (Лаврентьев), Екатерины (засл. арт. Ярославцева), Толстого (Ольгина), Меншикова (Мокоулов). Заслуженный артист Чернышев дает живой и зачастую с тем чрезвычайно простой и обаятельный образ. Как Петр повсюдно держит условно-романтических черт, свойственной героизации и «красивости», он убеждает большой духовной силой и страстностью. Вначале этот прием кажется несколько неожиданным, но мастерская игра и большая внутренняя правдивость быстро покоряют зрителя.

Для Ленинградского государственного театра им. Пушкина постановка «Петра I» — большая удача, бесспорно одна из самых выдающихся за последние годы его работ.

А. ДЫМШИЦ

НОВЫЕ ПОСТАНОВКИ

ОПЕРА «МАТЬ»

Композитор В. Желобинский написал оперу «Мать» (либретто А. Прейса) по повести Горького. Эта опера к 21-й годовщине Октября будет поставлена в филиале Большого театра Союза ССР и в Ленинградском Малом оперном театре.

«Мать» по своему характеру — монументальная опера. Музыка ее построена основным образом на хорах (из 8 картин — 4 сплошь хоровые) и певческих номерах (арии, дуэты). Симфоническая музыка широко использована в увертюре, музыкальных антрактах. В оперу включены революционные песни. Это не аранжированные, а оригинальные произведения. Театры скоро приступают к репетициям оперы.

«ИЦКА РИЖИНАШВИЛИ»

Московский Государственный еврейский театр приступил к работе над постановкой пьесы грузинского драматурга Герцеля Базаова «Ицка Рижинашвили». Пьесу ставит заслуженный артист РСФСР тов. Зускин. Музыку пишет композитор Пульвер, художник — Тышлер.

В ближайшее время постановочная группа Московского Госета выезжает в Грузию для ознакомления с материалами, связанными с постановкой спектакля.

Пьеса Г. Баазова принята также Государственным Центральным театром юного зрителя. Пьеса включена в репертуар Киевского и Одесского государственных еврейских театров.

«ДРУЖБА»

17 апреля Малый театр покажет премьеру пьесы В. Гусева «Дружба» в постановке режиссера заслуженного деятеля искусств К. П. Хохлова. Художник — М. С. Варпех. Музыка А. А. Голубенцева. Главный режиссер спектакля — заслуженный деятель искусств И. Я. Судаков.

✱ В Государственном академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова (Ленинград) принята к постановке новая опера композитора В. Волошинова «Слава» — по пьесе Виктора Гусева.

✱ Композитор Л. Энтлис работает над оперой «Я, сын трудового народа» по одноименному произведению Валентина Катаева. Текст для этой оперы будет писать Александр Прокофьев.

БАЛЕТ «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

В Ленинградском Малом оперном театре 14 апреля состоялась премьера балета «Кавказский пленник». Музыка композитора Б. Асафьева. Постановка балетмейстера Лавровского.

20 апреля премьера балета «Кавказский пленник» состоится в Государственном академическом Большом театре Союза ССР. Музыка Б. Асафьева, постановка балетмейстера Р. Захарова.

«В СТАРОЙ АНГЛИИ»

Завтра московский Театр юного зрителя покажет свою новую премьеру — пьесу А. Вольрада «В старой Англии».

Пьеса «В старой Англии» написана на материале романов «Давид Коперфильд» и «Оливер Твист». Из первого романа сюда перенесены действующие лица. Из второго — заимствован сюжет.

Постановщик спектакля — А. И. Кричко. Художник — Б. Эрдман.

НОВАЯ КАРТИНА ХУДОЖНИКА ИОГАНСОНА

Гражданская война. Перекопский фронт. Окопы. Группа бойцов окружает любимых вождей — товарищей Сталина и Ворошилова, приехавших в гости в бойцам в окопы.

Таково содержание нового полотна художника Б. З. Иогансона, которое он пишет для выставки «XX лет РККА».

Художник Иогансон недавно закончил большое полотно «На старом уральском заводе» для выставки «Индустрия социализма», перед дворцом «Фрунзе из Сальдо», восстановленной в Музее изящных искусств, и работу над панорамой «Штурм Перекопа».

Талант танцовщицы

Лицо ее не знало черного покрывала. Она выросла в счастливое время, эта девушка-комсомолка с восточным именем Гамэр. От матери она унаследовала гибкость и мягкое кокетство движений, отец передал ей миндалевидный разрез глаз и темперамент полной страсти предков.

Годы ее детства прошли в плавании на эсперасе Баку, каждого города на нефти и моря, где ширина расширяет в ширину и ширина летнее солнце расплавляет уличный асфальт.

Девяти лет — это возраст, когда девочки хлопаются в дружбе до гробовой доски, ходят всюду, взявшись за руки, и рисуют в альбом друг друга закрытыми глазами. Завидный подруги национального искусства трибуны пресловутого смотра в Большой академический театр, в Москву. И впервые раз в сопровождение народного творчества Востока братский русский народ с восхищением в радостью находит новое блестящее таланта.

Ирина [illegible] на [illegible] — [illegible] [illegible] Кремер.

Группа [illegible] из своих [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] Гамэр Алмаз-Заде — одна из тех немногих, что обладают отличным талантом танцовщицы и большого танцовального искусства. К легкой детской стати и [illegible] [illegible], [illegible] и [illegible] движений, [illegible] [illegible] [illegible]

Почему я люблю переводить стихи Квитко

«Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим,
Поглядим и выйдем!
— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят купать пора,
После приходите!..»

Так начинаются стихи Л. Квитко «Анна-Ванна-бригадир». Так ясно, легко и просто звучат все стихи этого поэта, пользующегося заслуженной популярностью не только у советских ребят, но и у взрослого читателя.

Поэту-переводчику, даже не знающему еврейского, родного автору языка, хорошо работается над переводом стихов Квитко. Уже самый подстрочник стихотворения располагает поэта к работе над переводом.

Стихи Квитко всегда сюжетны. Не снижаясь до плохого примитива, не переходя на дидактику, поэт конкретен в каждом своем стихотворении, скуп на слова, богат выдумкой и крайне прост и логичен в образе своего поэтического мышления. С присущим ему мастерством настоящего поэтического дарования Квитко открывает перед ребенком большой мир вещей и понятий, не уходя от тем нашей действительности, тем, волнующих нас, в первую очередь, как граждан нашей родины. В одном из лучших своих стихотворений Квитко говорит от лица мальчика, попавшего в беду:

«Но Сталин услышал, что плыть
мне невмочь,
Что буря меня окружает и ночь,
И выслал за мною в ночной океан
Веселую птицу — большой гидроплан.
И снизилась птица со мною
Перед кремлевской стеною...»
(«Колыбельная» пер. Е. Благининой).

С большой теплотой разговаривает Квитко со своим читателем. Красная Армия, родина, защита нашей родины от врагов являются темами, близкими и дорогими поэту.

Стихи «Письмо Ворошилову» в переводе Маршака стали любимыми стихами наших ребят.

Товарищ Ворошилов,
Когда начнется бой,
Пускай назначат брата
В отряд передовой!..

Для каждого стихотворения поэт находит простые, легко запоминающиеся слова, простую, четкую народную напевность стиха.

Поэт с большой любовью пишет о животных («Барсуки», «Корова в тумане», «Бык»).

Со свойственным ему юмором поэт весело и увлекательно рассказывает о чудо-тыкве («Тыква» перев. О. Колычева), о цирке, о лакомке Лэмл («Цирк» перев. Т. Спендиаровой и «Варенье»).

Вот почему я люблю переводить стихи Л. Квитко.

С. МИХАЛКОВ.

«Путешествие на Волгу»

Академия наук СССР издает полный русский перевод знаменитой рукописи Ибн-Фадлана «Путешествие на Волгу».

В 1935 г. правительство Ирана преподнесло Академии наук СССР фотографии с этой рукописи, хранящейся в Мешхеде. Посетив в десятом веке во главе посольства багдадского халифа страну булгар (на Волге), Ибн-Фадлан по возвращении на родину написал подробный отчет о своем путешествии, в котором дал картины быта и нравов булгар, славян, хозар и других народностей.

Отрывки из сочинений Ибн-Фадлана воспроизводились другими арабскими авторами, главным образом, Якутом, издавшим в XIII веке географический словарь. В частности, одним из таких отрывков воспользовался художник Семирадский для работы над картиной «Похороны руса».

Рукопись Ибн-Фадлана является почти единственным источником изучения истории древних славян. Однако она нигде не была опубликована и только теперь будет издана полностью.

Абдулла Тукаев

15 апреля трудящиеся Татарской республики отмечают двадцатипятилетие со дня смерти популярного татарского народного поэта Абдуллы Тукаева.

Союз советских писателей Татарии проводит литературные вечера с докладами о творчестве Тукаева.

Татгосиздат к 25-летию выпустил однотомник избранных произведений поэта, сборник стихов для юношества, критический очерк «Народный поэт Тукай».

Журнал «Совет эдэбиате» (орган союза советских писателей Татарии) выпускает специальный номер, где будут помещены неопубликованные произведения поэта.

Совместно с Татгосиздатом союз советских писателей Татарии готовит академическое издание сочинений Тукаева, отдельные произведения поэта на русском языке и иллюстрированные издания для детей.

Совнарком Татарии создал правительственную комиссию; поднят вопрос об установке к 30-летию со дня смерти поэта памятника. Реставрируется комната в бывш. гостинице «Булгар» (переименованной в дом имени Тукаева), где жил поэт. В этом доме создается музей.

Атнинский район переименовывается в Тукаевский район.

ВЫСТАВКА ПАМЯТИ ГРАНОВСКОГО

В Московском государственном университете открылась выставка, посвященная 125-летию со дня рождения Т. Н. Грановского.

Выставка, озаглавленная «Грановский и Московский университет», показывает друзей Грановского — лучших деятелей русского просвещения 40-х годов и актеров Малого театра, который был вторым университетом для молодежи той эпохи.

Большую ценность представляет неопубликованная уникальная акварель — рисунок кабинета Грановского в его последней квартире.

Тут же помещены фотографии близких друзей Грановского — актеров Малого театра П. С. Мочалова и М. С. Щепкина. Под портретом Мочалова помещено его обращение к Грановскому:

«Сколько хорошего, благородного вселили в меня беседы ваши. Благодарю вас за все то, что согрело душу мою, что принесло мне в горькой жизни моей мгновения тепла и радости».

Эта цитата из адресованного к Грановскому неопубликованного письма великого трагика относится к 1846 году. Письмо было найдено среди архивных бумаг Грановского и Станкевича у родственников последнего.

ПЕРЕВОД СТИХОВ Т. ШЕВЧЕНКО

Н. Ушаков закончил перевод на русский язык ряда стихов гениального поэта украинского народа Т. Г. Шевченко. Переведены главным образом стихотворения, написанные Шевченко во время заключения в тюрьме и в ссылке: «Зацвіла в долині червона калина», «Мы вкупочці колись росли», «Лічу в неволі дні і ночі», «Садок вишневий коло хати» и другие.

Неопубликованные письма И. А. Гончарова

Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде приобрела архив педагога и критика Н. В. Евстафьева. При разборке архива были обнаружены неизвестные до сего времени подлинные письма И. А. Гончарова к Евстафьеву. Письма эти написаны незадолго до смерти Гончарова, в период с 1886 по 1889 гг.

В это время Гончаров был уже тяжело болен. Но интерес его ко всему, что касалось литературы и искусства, не погас. В письмах к Евстафьеву он просит держать его в курсе дел различных издательств, сообщать о книжных новинках и журнальных статьях.

И. А. Гончаров, несмотря на преклонный возраст — 79 лет, все еще продолжал работать. Он благодарит за присланные ему новые книги А. К. Толстого, И. С. Тургенева и в письме от 15 апреля 1887 года пишет: «...Может быть, к зиме приготовлю...» свое новое произведение.

До последних дней Гончаров проявлял особый интерес к воспитанию молодых литераторов. В годы, когда тяжелая болезнь приковала его к постели, он в письмах благодарит Евстафьева за «высокое дело», которым он занимается, «руководствуя их (юношей и девушек) на пути развития мысли, чувства, эстетического вкуса». Он надеется, что критик Евстафьев «поможет впоследствии понять таких корифеев в области критики, как Белинский и Добролюбов, поможет полюбить все честное и благородное...»

В МОСКОВСКОМ КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

В Московском клубе писателей состоялась первая встреча писателей с представителем московской адвокатуры, членом коллегии защитников И. Д. Брауде.

Несколько случаев из практики, рассказанных И. Д. Брауде, раскрыли перед собравшимися сложный и кропотливый процесс работы советского суда.

С этой точки зрения особенно интересно рассказанное во всех подробностях дело гр. Н. об отравлении мышьяком 23 человек; дело потребовало участия 17 экспертов, в том числе и метеоролога.

Судебная практика — неисчерпаемый источник сюжетов.

И. Д. Брауде готовит к печати второй том «Записок защитника», в котором будет рассказано 10 или 11 наиболее интересных, преимущественно уголовно-бытовых процессов. В частности, будет подробно описано известное дело Д. Шульца об иауверской секте.

ВТОРОЙ КЛУБНЫЙ ДЕНЬ

17 апреля в Московском клубе писателей — второй клубный день. Программа его обещает быть очень интересной.

В 3 часа дня в верхних комнатах клуба откроется выставка работ скульпторов И. Г. Фрих-Хара, Сарры Лебедевой, И. М. Чайкова, Д. Ф. Цаплина и акварелей художника А. В. Фонвизина.

В 5 часов — просмотр кинофильма.

Центральное место бесспорно займут выступления писателей, которые прочтут новые произведения.

«День» закончится просмотром короткометражных фильмов и концертом с участием джаза Рачевского.

17 апреля после ремонта вновь откроется читальня. Библиотека возобновит свою работу осенью.

Вчера в большой гостиной Московского клуба писателей состоялся вечер, посвященный восьмой годовщине смерти Владимира Маяковского.

Интерес писательской и художественной общественности к Московскому клубу писателей растет с каждым днем. Художественному совету клуба предстоит рассмотреть около 100 заявлений о приеме в члены клуба.

ЗА РУБЕЖОМ

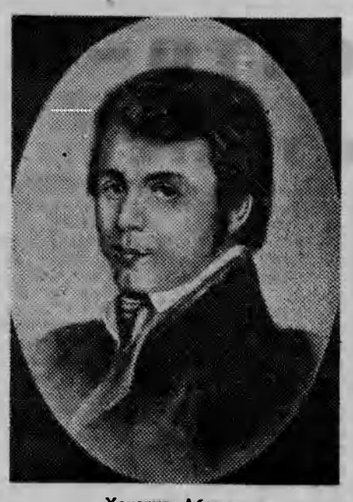
✱ Нью-Йоркское отделение Лиги американских писателей организовано торжественный митинг в честь семидесятилетия со дня рождения А. М. Горького. Собрание послало приветственную телеграмму советским писателям. Американские писатели единодушно одобряют решение советского суда, избавившего страну от фашистских изменников и убийц Горького.

✱ В своем высказывании в связи с семидесятилетием со дня рождения А. М. Горького известный французский писатель, секретарь Международной ассоциации в защиту культуры Ренэ Блек заявил: «Героический писатель-борец умер. Долго не удастся заполнить образовавшуюся огромную пустоту. Не верилось, что навеки умолк его голос. И вот пришло ужасное, ошеломляющее известие: мы узнаем, что не роковая случайность оборвала нить этой смелой и преданной революции жизни. Нет, ее оборвала рука преступных предателей. Перед лицом всего мира суд народа сорвал с предателей маски. Мог ли приговор быть более справедливым? Разве возможна жалость к врагам народа и революции?»

✱ В Интернациональном социальном издательстве (Париж) выходит сборник поэм Вайяна-Кутюрье. Большинство этих поэм еще не печаталось и было найдено в бумагах покойного писателя уже после его смерти.

✱ При парижском Доме культуры открылись драматические двухгодичные курсы, возглавляемые Леоном Муссинаком и Жоржем Пийман. Цель курсов — совершенствование молодых актеров, профессионалов и любителей. Историю театра читают Жан Кокто и Поль Низан, лекции по постановке голоса (с медицинской точки зрения) читает доктор Пепве, хорошо известный читателю под псевдонимом Люк Дюртен.

5 апреля парижский Дом культуры организовал вечер, посвященный Австрии. Большую речь о ненависти фашистов к культуре и к ее представителям произнес Генрих Манн. Затем выступали писательница Р. Леманн (Англия), Андрэ Виоллис (Франция), Иозеф Рот (Австрия) и другие. Были зачитаны речи отсутствующих Ромэн Роллана, Лиона Фейхтвангера и Эмиля Людвига. Известный немецкий писатель Людвиг Ренн в своем выступлении заявил, что, если Гитлер об'явит войну Франции, немецкие антифашисты станут французскими солдатами. Арагон говорил о том, что пример Австрии должен побудить французов к единению, и закончил свою речь призывом ко всем писателям мира об'единиться на защиту культуры от угрозы фашизма.



Хачатур Абовян

14 апреля исполнилось 90-летие со дня гибели известного армянского писателя Хачатура Абовяна, основоположника современной армянской литературы. До Абовяна армянская литература существовала лишь на церковном, непонятном для народа языке. Абовян впервые дерзнул писать на языке народа, на так называемом «ашхарабаре», — он написал новый реалистический роман о жизни армянского народа под названием «Раны Армении». Духовенство и царские сатрапы приняли в штыки это народное произведение. Через некоторое время автор романа «Раны Армении» таинственно исчез. Но дело Абовяна не погибло. Армянский народ никогда не забудет борца за дело народной культуры.

Приходится удивляться, что Госиздат Армении до сих пор не дал хорошо изданных сочинений Абовяна.

НЕКРАСОВСКИЙ ЗАЛ В МУЗЕЕ ДЕТСКОЙ КНИГИ

В Музее детской книги открывается специальный зал, посвященный творчеству Н. А. Некрасова. Здесь собраны не только многочисленные материалы о самом поэте, но и о других классиках русской литературы. Специальные стэнды посвящаются А. Пушкину, М. Лермонтову, И. Тургеневу, Л. Толстому, В. Белинскому, Н. Чернышевскому.

Здесь же создается специальный кабинет, в котором собраны материалы о «творческой лаборатории» Некрасова.

Книжная хроника

В Гослитиздате вышли книги:

✱ **«Избранные произведения»** Якуба Коласа. Лирика, сатира, эпос. Авторизованный перевод с белорусского С. Городецкого. Тираж 5 тысяч. Цена 7 руб.

✱ **«Статьи о Горьком»** А. В. Луначарского. Тираж 10 тысяч. Цена 3 руб.

✱ **«Российский Жиль-Блаз»**. Роман В. Нарежного. Том I. Тираж 5 тысяч. Цена 6 р. 50 к.

✱ **«На дрейфующей льдине»**. Сборник. Тираж 10 тысяч. Цена 3 р. 25 к.

✱ **«Сказки» Пушкина.** Серия «Для начинающего читателя». Тираж 150 тысяч. Цена 30 коп.

✱ **Шестой том собрания сочинений Пушкина.** Тираж 25 тысяч. Цена 20 руб.

В Детиздате вышли книги:

✱ **«Воробьишко»**. Рассказ М. Горького. Серия «Книга за книгой». Рисунки П. Алякринского. Тираж 200 тысяч. Цена 35 коп.

✱ **«В бухте «Отрада»** А. Новикова-Прибой. Рисунки В. Щеглова. Тираж 25 тысяч. Цена 4 р. 75 к.

✱ **«Приключения «Партизана»** Б. Житкова. Рисунки Б. Голицына. Тираж 50 тысяч. Цена 1 рубль.

✱ **«Щенок»** С. Михалкова. Рисунки Сесиль Олдип. Тираж 100 тысяч. Цена 1 рубль.

Весенний стихоход

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ ПАРОДИИ

Мы в этом деле понаторели
И знаем, что нас в апреле ждет.
Мы слышим — трели звучат в апреле
И начинается Стихоход...

I. ЮНЫЙ ФИЛОСОФ

Я голубому небу
Весеннюю песню пою.
Мне надо итти за хлебом,
А я на углу стою.

Я понял весну, поскольку
Не вижу ни снега, ни льда
И только, поскольку — постольку,
Течет, так сказать, вода.

Я летом поеду на дачу,
На солнце блестит пятак,
Который мне дали сдачи...
. . . . . .
Друзья! Не пишите так.

II. ТЕЛЯЧИЙ ОПТИМИСТ

Я иду молодой, молодей,
По весеннему юных людей.
Мне сегодня от всех почет,
Я сегодня сдаю зачет.

Все буза! Лишь одно не буза —
Голубые твои глаза.
Непонятно весне самой:
Мой ли май, или май не мой!
Нет! Я знаю — весна моя!..
. . . . . .
Не пишите и так, друзья!

III. БОДРЯК С ДИАПАЗОНОМ

Под солнца яркими лучами,
Сияя, блещут трактора.
Про это, тихими ночами,
Кричу я громкое «ура!».

Уже последняя дьячиха,
Тоскуя, смотрит за плетень...
Цветут колхозная гречиха,
Овес колхозный и ячмень!

Колеса, баки, карбюратор,
Ряды больших стальных коней,
Я вас люблю любовью брата,
А, может быть, еще нежней.

Летят по небу самолеты,
Внизу колышатся леса...
Они глядят на их полеты...
. . . . . .
Друзья! Не надо так писать!

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ.

ВЕЩИ В. М. ГАРШИНА

Институт русской литературы Академии наук СССР получил от племянника писателя В. М. Гаршина — В. Г. Гаршина ряд личных вещей, рукописей и материалов покойного писателя.

Среди вещей — форменная фуражка рядового 128-го Порховского пехотного полка, в котором В. М. Гаршин проделал в 1877 году поход по Дунаю во время русско-турецкой войны.

Среди рукописей особый интерес представляет подлинный беловой автограф сказки «То, чего не было».

Кроме того, институт получил материалы из личной переписки Гаршина.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Выражаю свою глубокую благодарность организациям, учреждениям и лицам, выразившим сочувствие и почтившим память покойного мужа моего, писателя Пантелеймона Романова.

А. РОМАНОВА

Проф. Н. ГУДЗИЙ

Где, кем и когда было написано «Слово о полку Игореве»?

Эти вопросы, важность которых никто не станет оспаривать, поднимались не раз. Спорили по поводу того, был ли автор «Слова» киевлянином или северянином, т. е. связан ли он с киевским князем Святославом или с новгород-северским князем Игорем, а в последнем случае — был или не был автор участником похода. Но ни у кого до сих пор не возникало сомнения в том, что памятник написан автором на Руси, на свободе, после несчастной битвы Игоря с половцами. По-новому пытается осветить эти вопросы И. А. Новиков в статье «Поэт — воин XII века» (см. № 15 «Лит. газеты»).

I

Вопреки установившемуся взгляду, И. А. Новиков полагает, что даже самое начало «Слова» писалось дружинником Игоря в плену, в Половецкой земле. Самым веским аргументом тут для И. А. Новикова являются строки, которые он считает началом картины Игорева похода: «Комони ржуть за Сулою» и т. д. Так как Киев, Новгород-Северский, Путивль расположены на северо-запад от Сулы, то, по мнению И. А. Новикова, слова «за Сулою» автор мог употребить лишь в том случае, если он находился не на русской стороне этой реки, а на половецкой. Помимо этого основного аргумента, в защиту своей мысли И. А. Новиков приводит еще некоторые, в достаточной мере отвлеченные, соображения стилистического и психологического характера.

Насколько же выражение «Комони ржуть за Сулою» показательно для определения места написания «Слова»? Многие комментаторы поэмы считают эту фразу, как и следующую или даже две следующих — «звенить слава на Кыеве» и «трубы трубять в Нове-граде», — припевкой Бояна, не связанной с картиной выступления Игоря в поход. Только фразу «Стоять стяги в Путивле» (или и предшествующую — «трубы трубять в Нове-граде») они относят к картине Игорева выступления. Очевидно, что И. А. Новикову нужно было бы в первую очередь посчитаться с этими соображениями.

Есть все основания полагать, что слова «Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Кыеве» относятся к походу на половцев Игоря и киевского князя Святослава в 1184 г. Тогда Игорь обратил половцев в бегство, но как раз у Сулы вынужден был из-за половодья прекратить преследование. При таком приурочении этих слов можно думать, что за Сулою Игорь слышал ржанье половецких коней, а звон славы в Киеве был отзвуком победоносной схватки Святослава с половцами. Возможно также, что речь идет о ржаньи за Сулою Святославовых коней: Сула впадает в Днепр значительно ниже Киева, а Святослав гнал половцев до самого Лукоморья.

Гипотеза И. А. Новикова весьма сомнительна и по другим основаниям. Вряд ли, во-первых, автор «Слова» (если бы он писал его в половецком плену) на самое начало похода смотрел глазами человека, уже попавшего в плен: это было бы мало правдоподобно и с психологической и с художественной точек зрения. Далее, нельзя согласиться с И. А. Новиковым, что слова «за Сулою» определяют место начала похода: войско Игоря двигалось по направлению к Дону, довольно далеко на восток от Сулы. Если бы автор «Слова» находился в плену, он едва ли определял свое местопребывание упоминанием Сулы, территориально связанной не с Доном, у которого происходили события, а с Днепром.

И, наконец, самое главное. Каким образом человек, сидя в плену, мог рассказывать о том, что делается на Руси после Игорева поражения? Как мог он знать о последовавших опустошительных набегах половцев на русские земли, о чем говорится в «Слове», о «золотом слове» Святослава, о пути Игоря на Русь и о многом другом?

И. А. Новиков пытается даже точно назвать автора «Слова». Перебирая тех лиц, которые, судя по летописным известиям, были с Игорем в плену, и, естественно, отводя кандидатуру в авторы самого Игоря, сына Игоря Владимира, половчанина Овлура, а также конюшего, он останавливается на сыне тысяцкого, как на вероятном авторе. Он якобы по своему социальному положению и культурному уровню был наиболее подготовлен для поэтического описания Игорева похода. Если бы это было и так, то мы ровно ничего не выигрываем от того, что узнаем чисто «паспортные» данные об авторе нашего памятника. Никто не сомневается в том, что автор — лицо светское; большинство исследователей полагает, что он был дружинником. И такая деталь, как то, что он к тому же являлся сыном тысяцкого и даже какого-нибудь определенного тысяцкого, совершенно несущественна, раз мы ближе не знаем биографии автора, его литературных, бытовых и исторических связей.

Дело в том, что если уж непременно искать автора «Слова» среди тех, кто находился с Игорем в плену, то не следует ограничиваться лицами, названными И. А. Новиковым: и по летописным данным, да и по простой логике фактов в плен попало немало русских. Сам же И. А. Новиков говорит о том, что Игорь по возвращении на родину должен был хлопотать о своих пленных соотечественниках. Ипатьевская летопись сообщает, что к пленному Игорю допущен был русский священник, который, разумеется, так же как и Овлур, не может претендовать на авторство «Слова». Прочие же, находившиеся с Игорем в плену, имеют все основания это авторство оспаривать у сына тысяцкого.

Но вообще незачем искать автора «Слова» среди пленных русских; нет никаких оснований полагать, что «Слово» было написано в Половецкой земле. Оно не было простым лирическим откликом на событие, а произведением глубоко идейным, остро публицистическим, ставившим перед собой в первую очередь задачу реванша половцам за поражение русского князя и за ущерб, нанесенный Русской земле. Автор и от имени киевского князя Святослава и от своего имени призывает русских князей к забвению междуусобных распрей и к об'единению для отпора врагу.

Центральной политической фигурой в «Слове», обладающей всей силой политического и нравственного авторитета, является Святослав. Он выступает как выразитель идеи общерусского блага и как непогрешимый судья князей, своими сепаратными действиями приносящих горе и беду Русской земле. К Святославу, который на самом деле не всегда являлся оберегателем общерусских интересов, автор «Слова» пристрастен; он явно переоценивает его авторитет и его политическую мудрость. Это было естественнее всего у поэта-публициста, по своему положению и по своим личным связям стоявшего близко к киевскому князю. Поэт по своему происхождению мог быть и северянином, но, очевидно, ко времени похода Игоря он уже прочно обосновался в Киеве, при дворе Святослава.

Содержание «Слова» не дает нам никаких оснований для утверждения, что его автор был участником похода. В «Слове» отсутствуют те конкретные подробности в описании событий похода, которые были бы естественны у очевидца, непосредственно наблюдавшего все происходящее.

II

К какому времени относится создание «Слова»? Нужно полагать, оно писалось по крайней мере в два приема. Уже сравнительно давно некоторые исследователи обратили внимание на то, что рассказ о бегстве Игоря и о возвращении его в Русскую землю, написанный в ликующе-радостных тонах, не согласуется со всем предшествующим повествованием, в котором судьба Русской земли и самого Игоря изображена в мрачных, пессимистических красках. Поэтому напрашивается мысль о том, что, когда создавалась основная часть «Слова», в горестных картинах изображавшая несчастье Руси и раненого, находящегося в плену Игоря, побег Игоря еще не состоялся. Когда же Игорь вернулся, автор во славу его и двух других князей, участников похода, написал заключительную часть «Слова», в которой говорилось о бегстве Игоря из плена. Эта часть должна была дать удовлетворение нравственному чувству, подавленному ярким изображением недавней военной неудачи.

Время создания основной части «Слова», кончая плачем Ярославны, правдоподобно определяется следующими соображениями. Повесть о походе Игоря на половцев, вошедшая в Ипатьевскую летопись, в очень подробных, хотя и не лишенных лиризма подробностях, передает о том, как Святославу стало известно о поражении Игоря: Святослав пришел в Корачев, а затем в Новгород-Северский летом 1185 г., желая итти на половцев, на все лето. Тут он и узнал впервые о том, что его двоюродные братья — Игорь и Всеволод — сами отправились против половцев. Затем, придя к Чернигову, он через Белополода Просовича, видимо, участника Игорева похода, услышал о победе половцев и стал упрекать князей за то, что их невоздержная молодость отворила ворота в Русскую землю врагам, которых он год назад обессилил. «Но воля господня да будет во всем, — говорит он, — как раньше я досадовал на Игоря, так теперь еще больше жалею я Игоря, брата моего».

После этого Святослав шлет к соседним князьям весть о поражении Игоря, призывая их на помощь против половцев. Учитывая урок Игорева похода, Святослав, естественно, должен был задуматься над тем, чтобы гарантировать удачу своего предприятия и не поставить русское войско в то положение, в каком оно очутилось во время похода Игоря. Нужно было опереться на солидную силу, которая была бы способна нанести половцам сокрушительный удар. Нужно было об'единить русских князей для совместного отпора врагу, — такова была конкретная, первоочередная задача Святослава. Замысел «Слова» и нужно поставить в связь именно с этими планами Святослава. В таком случае написание основной части поэмы следует отнести к лету 1185 г.: эта часть была создана по горячим следам событий, для поддержки призыва Святослава.

Обратим внимание на то, что Святослав в своем «золотом слове» обращается к князьям Рюрику и Давиду Ростиславичам с просьбой вступить в золотые стремена «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославлича». Судя по повести Ипатьевской летописи, Рюрик и Давид тогда же, летом 1185 г., откликнулись так или иначе на призыв Святослава и двинулись против половцев. Значит, «золотое слово» было написано еще до того, как стало известно о выступлении Ростиславичей. Во всяком случае основная часть «Слова о полку Игореве» не могла быть написана после 1187 г. — в ней упоминается как здравствующий князь Владимир Глебович переяславский (он умер во время похода на половцев 18 апреля этого года), а Святослав обращается с просьбой о помощи к Ярославу Галицкому, умершему 1 октября также 1187 г.

И. А. Новикову ссылка на эти даты в определении времени написания «Слова» представляется «чистым недоразумением», потому что упоминание обоих князей относится ко времени набега половцев, когда Игорь был в плену и когда Владимир и Ярослав были еще живы. И. А. Новиков думает, что такое упоминание могло быть сделано когда угодно, хотя бы и в наше время. Но он упускает из виду, что автор «Слова» писал не беспредметное произведение и не художественные мемуары, а публицистически насыщенное, глубоко действенное творение, преследующее в первую очередь определенные практические цели. Вкладывать в уста Святослава обращение задним числом к уже умершему князю означало бы для автора «Слова» в условиях его времени и обстановки — предаваться литературным упражнениям, к чему он вряд ли имел охоту.

III

На вопрос — когда написана была заключительная часть «Слова», повествующая о бегстве Игоря из плена, можно ответить, определив предварительно время пребывания Игоря в плену. В «Слове» говорится о соловьях, возвещающих бегущему Игорю рассвет. И. А. Новиков отсюда заключает, что дело было весной, т. е. через год после похода. Значит, Игорь пробыл в плену целый год.

Летописные данные не дают нам на этот счет точных указаний, но все же, судя по ним, следует думать, что в плену Игорь оставался значительно менее года. Лаврентьевская летопись, ошибочно приурочивающая поход к 1186 г., под тем же годом, вслед за упоминанием о ранении под Переяславлем Владимира Глебовича, сообщает: «И по малых днех ускочи Игорь у половець». В Ипатьевской летописи (правильно определяющей время похода 1185 годом) опять-таки под тем же 1185 годом, тоже после упоминания о ранении Владимира Глебовича, сказано: «Игорь Святославличь тот год бяшеть в половцех».

Но в контексте повести Ипатьевской летописи, как и во многих других древнерусских памятниках, «год» означает «время» (ср. в повести Ипатьевской летописи: «Идущим же им к Донцю рекы в год вечерний» и т. д.). Кроме того, в рассказе Ипатьевской летописи бегство Игоря приурочено к возвращению половцев из-под Переяславля, что было через несколько месяцев после пленения Игоря. Таким образом Игорь, вернее всего, бежал осенью 1185 г. (зима исключается, так как в Ипатьевской летописи говорится о том, что, убегая из плена, Игорь перешел реку в брод). Если же по «Слову» побег Игоря сопровождается соловьиным пением, то тут скорее всего мы имеем дело с поэтической вольностью автора поэмы.

Таким образом окончание «Слова» может быть приурочено ко времени, начиная с осени 1185 г. Если согласиться с теми исследователями, которые считают, что включение в число прославляемых князей Владимира Игоревича могло произойти лишь после того, как он вернулся из плена (а это было осенью 1187 г.), то время завершения «Слова» придется отодвинуть к последним месяцам этого года или к начальным 1188 г. Трудно лишь согласиться с предположением И. А. Новикова, что «Слово» оглашено было в совершенно законченном виде на свадьбе Владимира Игоревича и Кончаковны, отпразднованной вскоре после возвращения Владимира: слишком далеко оно и по своей теме и по своему основному настроению от свадебной обстановки. Да и укоры по адресу Игоря, имеющиеся в «Слове», вряд ли было уместно преподносить Игорю на свадебном пиру его сына.

В заключение следует сказать, что спор по поводу одного года или двух лет при датировке памятника, насчитывающего семь с половиной веков существования, имеет, конечно, совершенно второстепенное значение, в особенности когда речь идет о праздновании его юбилея.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. 2-20-95 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение, Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—37675. Типография газ. «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.